

18+

ХАИМ КАЛИН

Под солнцем и богом

Хаим Калин

Под солнцем и богом

«Издательские решения»

Калин Х.

Под солнцем и богом / Х. Калин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988616-3

В январе восьмидесятого в Сахаре терпит аварию воздушный лайнер «Мюнхен — Йоханнесбург», хороня под своими обломками экипаж и большую часть пассажиров. Кажется, при чем здесь могучий, но обособившийся от цивилизации СССР? Между тем у верхушки советской разведки отныне в мыслях — расстрельный коридор, стремительно приближающийся... Ключ к их спасению в Вене — и не в советском посольстве, а у глубоко законспирированной структуры, являющей собой теневое мировое правительство.

ISBN 978-5-44-988616-3

© Калин Х.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ПОД СОЛНЦЕМ И БОГОМ	7
Май 1970 года. Ленинградская область	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	48
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Под солнцем и богом

Хаим Калин

© Хаим Калин, 2020

ISBN 978-5-4498-8616-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сюжет произведения – производное голого авторского вымысла. Любые совпадения с историческими лицами, событиями и институциями – не более чем прием для подстегивания читательского интереса.

Хаим Калин

**ПОД СОЛНЦЕМ И БОГОМ
РОМАН**

Май 1970 года. Ленинградская область

Глава 1

Аудитория просторна – квадратов пятьдесят, столов меж тем девять и стены голы, нет даже классной доски, кроме того, пусто – и намек на сбор. Сверившись повторно с номером на двери, Арина порхнула к «камчатке», где присела вполоборота ко входу.

Ученичеству – за третий месяц, при этом занятия в группе вновинку, потому как прежде велись индивидуально, один на один с преподавателем. Местом персональных занятий служил «отсек», в котором Арина жила, почти что отсеченная от внешнего мира. «Отсек» – это спальня, дворик для «воздушных ванн» и техкабинет, где натаскивают ремеслу взламывать тайны...

Через минуту-другую аудиторию заполнили курсанты, не заставил себя ждать и преподаватель. Поприветствовал вслух только он, соученики лишь кивали без адреса: как и Арина, свои «отсеки» они до сих пор не покидали.

Белорусский акцент наставника Арину чуть позабавил, но поначалу она едва ли слушала его, ведь перед глазами семеро молодых мужчин, подтянутых и недурно сложенных, – как не обратить внимание? Со дня своего зачисления, кроме солдат на вышках, видневшихся из окон спальни, с сильным полом она визуалью не пересекалась. Преподаватели не первой молодости не в счет, да и охрана, целиком набрана из южных республик, мест далеких и не знакомых ей...

Обзор «физики и лирики» курсантов заметных движений души не вызвал, и внимание Арины переключилось на преподавателя. Шла лекция по психологии, голос лектора в какой-то момент задрожал.

В ее лице пропечаталась мина безразличия, несколько скрашиваемая едва различимой улыбкой – надо полагать, поправка на присутственную необходимость. Лишь сосед слева – явный контраст остальным курсантам – каким-то, словно под одну гребенку, правильным, иной раз получал от нее флюиды солидарности: его окунувшиеся в печаль глаза и мягкая, ненапыщенная одутловатость не мешали.

Зато стало неволишь атмосферное давление, резко подскочившее в аудитории, будто ужавшейся в объеме, но не из-за габаритов крепких молодых парней, а той энергии, которую их тела излучали. Ей казалось, все вокруг трещит по швам: воздух, униформа и души ребят. Ощущалось это по хрусту шейных позвонков (скорее воображаемому), несуразным движениям голов, плеч – соучеников просто распирало повернуться и взглянуть на нее.

Накануне курсантов немало порадовали, сообщив о начале групповых занятий: в коллективе, каким бы он ни был, живется все же веселее, чем исполнителю пусть особой, но отшельнической миссии. Но когда, войдя в класс, курсанты лицезрели точно изваянную на био-ЭВМ особу, чья внешность могла расшевелить и бессилие, их «вестибулярный аппарат» явно зашалил. Меж тем «процедили» ребят из десятков кандидатов и не обычных – выдержавших тесты на «толстокожесть» тела и духа не раз.

Тем временем красотке с иссиня черными волосами (и впрямь напоминавшей соскочившую с конвейера куклу в штучном экземпляре) разыгравшийся мятеж плоти досаждал все больше, но куда сильнее тревожила неестественная бледность наставника и усилившаяся зыбь его голоса: как не сострадать, когда ближнему плохо, особенно человеку в возрасте?

Заметив под потолком глазок видеокамеры, Арина и вовсе запаниковала: не вызван ли полуобморочный вид лектора потливым копошением либидо, набирающим обороты, не она ли причина его немоготы?

Скоро элитные жеребцы сдерживать себя перестали: без стеснения оборачивались, бросая пламенные взгляды на нее.

Лицо Арины оставалось безразличным, как и прежде, лишь улыбка исчезла, та – мало-различимая. По коже носились мурашки, дробные и злые, чуть же позже одолела сыпь, а затем еще что-то, не менее отвратное. Казалось бы, из-за чего – «чиха» кобелиного? Но что поделаешь, если память самый коварный провокатор...

Заточение в разведшколе, покоровив вначале, спустя неделю-другую даже ублажило, и Арине все больше нравилось коротать время одной. В закутке, укрывшем от масленных рож, травивших щелочью душу, поганых лап, пробуждавших желание носить с собой ножовку, – настоящего, без обиняков, шабаша похоти, преследовавшего ее повсеместно на гражданке, и все потому, что «посчастливилось» родиться неотразимо красивой.

Арина в мыслях и чувствах отходила от мира, где сановные, чумевшие от ее красоты самцы превращали жизнь в бег по дерну босиком. Терпи не терпи, долго не протянешь и, где бы ни сошла, наготове «раздевалка» и душ с водою затхлой...

В последние дни она с грустью вспоминала двоих своих мужей, которых не любила, но всячески подчеркивала их главенство, как только истинной женщине дано ценить поводыря. Бедняги спились – да так, что и разводиться было не с кем. Из-за непрерывных ночных звонков, ее лжи, «припудриваемой» слезами, их и ее увольнений с работы, причина коих только ей была известна, – того кромешного ада, именуемого их «семейной» жизнью.

Спустя годы при просмотре одного фильма, напомнившего об унижениях молодости, Арина чуть было не лишилась чувств. По сюжету, удалой сержант-американец отбивает у ватаги обезумевших союзников – то ли англичан, то ли канадцев – ослепительной красоты француженку, жительницу неприметной деревушки, по которой неоднократно прошла война. В своей ночной исповеди девушка живописала янки, сколь беззащитна женщина в пору лихолетья, особенно такой редкий цветок, как она, после чего соблазнила – как служивый не держал марку спасителя-бессребреника. Надо полагать, в знак признательности, а не по скорбной инерции, вручая приз победителю...

Так и не сомкнув за ночь глаз, сержант утром простался с ней во дворе, чтобы идти с войной дальше, но, рассмотрев через забор пышущих злорадством, истекающих слюной «терпил», наконец дождавшихся его убытия, вскинул винтовку и убил девушку, а точнее... пристрелил.

Это было первым и единственным групповым занятием, к которому Арину привлекли в школе, после чего учеба вновь переместилась в «отсек».

Арина с нетерпением ждала нового занятия по психологии, дабы пообщаться со степенным «белорусом», чью лекцию она, хоть и без умысла, сорвала. Она, дочь военного, с младых лет наглотавшись угольной пыли армейского житья-бытья, ведущего неотвратимо к кровохарканию, хорошо усвоила, во что может вылиться любой просчет в армии, а в сверхсекретном ГРУ, куда ее зачислили, как и ребят из группы, – подумать даже пасовала... При этом понимала, что спрашивать его ни о чем не станет, в ее новой ипостаси не до сантиментов, но почему бы не быть внимательной, подчеркнуто вежливой? Хотя бы так загладить свою «вину».

Вместо «белоруса» явился, судя по выговору, москвич, впрочем, значения не имело. Арина подумала: «Заболел „белорус“, наверное, человек в возрасте, не внушай себе всякую чушь». И она забыла о его мертвенно-бледном лице, как забывается выкуренная сигарета, исписанная ручка и масса иных деталей, образующих безбрежную рутину бытия. А зря!

Наряду с преподаванием психологии, «белорус» курировал в разведшколе учебный процесс: формировал группы, подбирал преподавателей, разрабатывал методики. Словом, слыл немаловажной фигурой, не говоря уже о том, что как кадровый сотрудник ГРУ привлекался к разработке сложных операций, где не обойтись без профессионального психоаналитика. И вдруг совершить такой прокол – сорвать свою же лекцию, причем вводную, запустив «гормонную» бомбу в казарму изголодавшихся ребят! Попадись он под горячую руку, его бы уволили – с пенсией, но без почестей.

К счастью, широкой огласки его промах не получил. «Белоруса» перевели куда-то в непьющее место, но от оперативной работы отстранили.

Десять лет спустя, 10 января 1980 г. Северная Африка.

Глава 2

– Ищи провод, Гельмут, длинный, насколько возможно! – скомандовал крепыш, чье хладнокровие казалось свечой в затмении шока, сковавшего остальных.

– Какой провод, Эрвин, веревку, наверное? – прохрипел Гельмут, мужчина с белоснежной шевелюрой, в паспорте которого значилось «брюнет».

– В самолете нет веревок. Обшивку рви – провода там... – подсказал Эрвин.

– Ч-то... д-елать... с р-аненными? – обратился к Эрвину икающий господин, должно быть, узрев в нем лидера.

– Не сможешь им.

– Т-ы... врач?

– Не врач, но знаю. Помоги лучше Гельмуту вытащить провод.

Тут взгляд Эрвина выхватил троих пассажиров, сидевших неподалеку с пристегнутыми ремнями безопасности – двое мужчин и женщина. Мужчины рыдали, обхватив голову руками, женщина же пребывала в глубоком обмороке, но по крайней мере внешне, все

целы и невредимы. Проиигнорировав женщину, Эрвин освободил мужчин от ремней, помог подняться им на ноги, после чего совершил несколько манипуляций в области лица и шеи – одному за другим. Те перестали рыдать, и в их мутных, отрешенных взорах проявились искорки осмысленности. Между тем «отстегнутые» вскоре вновь плюхнулись в кресла, и любой сторонний, заглянувший бы им в глаза, до скончания века маялся от волчанки дурных снов.

Тем временем, переместив из технического отсека в проход прохладительные напитки и емкости с водой, Эрвин заново обосновался в подсобке. Забурившись в одну из секций, извлек бачок с отходами, закопошился. Но, почувствовав на спине чей-то взгляд, обернулся.

В проходе стоял мужчина, чем-то ему знакомый. Знакома, правда, была лишь одежда. Тут Эрвина осенило: «Да это один их тех, кого я привел в чувство. Он, судя по всему, отошел, коль двигается!»

– Что ты делаешь? – голосом робота спросил пришелец.

– Собираю... – рассеянно ответил Эрвин.

– Вижу, что собираешь, но не пойму что.

– Собираю еду.

– Это объедки, а не еда.

– То, что есть, приятель, держи мешок лучше.

Товарищ по несчастью ухватился за края мешка и, точно сомнамбула, держал до тех пор, пока Эрвин, наполнив мешок до краев, не вырвал его из рук «помощника».

Из сто двадцати пассажиров рейса «Мюнхен-Йоханнесбург», вылетевшего 10 января 1980 г. и потерпевшего катастрофу в Северной Африке, на землю сошли лишь семь человек. Землей оказался горячий песок, простиравшийся за линию горизонта.

– Где мы, Эрвин? – спросил один из пассажиров рейса.

– Точно не знаю, похоже, Ливия.

– Так мы в Сахаре? Вот почему воду сгрузили – всю, до последней капли!

– На земле – и это главное... – бесстрастно изрек Эрвин.

– Зачем эти сборы? Нас по фюзеляжу найдут, – усомнился один из сотоварищей, наблюдая за приготовлениями к пути, которыми руководил Эрвин. На шее у спросившего болтался новенький галстук, вся же одежда вымарана и треснула кое-где.

– Это Африка, дружище. – Подойдя ближе, Эрвин поправил на нем галстук. – Если нас и будут искать, то скорее, для отвода глаз, а не сегодня-завтра фюзеляж занесет песком.

Поэтому разбирай багаж и пожелай себе счастливого пути, да и нам всем тоже... – Эрвин чуть ухмыльнулся.

Через полчаса группа баловней случая, смахивавших на беглецов из чистилища, медленно тронулась в путь, навьючившись емкостями с водой и целлофановыми мешками. До них еще добрый час доносились крики хищных птиц, зависших над местом аварии. Тот клекот причудливо сливался с человеческими воплями, которые рвались наружу из уцелевшего фрагмента самолета. Но сковавший погорельцев ужас наглухо замкнул все чувства. Двигал же ими инстинкт, прозаичный как мир – выжить. Любой ценой.

***

Шабтай услышал о крушении борта «Мюнхен-Йоханнесбург» по южно-африканскому радио, на волну которого был настроен приемник в его автомобиле. Четверть часа назад он выехал из Габороне и практически достиг границы между Ботсваной и ЮАР. По инерции проехал еще милю и, лишь до конца осознав, что произошло, остановился на обочине. Чисто рефлекторно переключился на BBC и дожидался очередного выпуска новостей.

Вдруг его переключило – нечто сродни контузии, которую испытали пассажиры борта, не принятые на тот свет, быть может, из-за перегрузки «эскалатора» или по иному недоразумению. Бедолаги, которых сей момент вел по Сахаре Эрвин, его связной, везший для него архиважную передачу. Но ни о выживших, ни об уцелевшем грузе никому на этом свете не было известно.

Несколько успокоившись, Шабтай заерзал, телом и в мыслях: «Не только на жену обламывается мазл*, но и на страну, чьих корней ты, тоже. Меняй не меняй соцсистемы и континенты, знак твоего происхождения, если он недобрый, плетется за тобой, ставя подножки там, где, вроде, и споткнуться не обо что. Надо же, „Боинг-747“, надежнейший самолет, который эксплуатировался педантичными немцами, исчез с экрана локатора, и не сложно предположить, какова его судьба! Случилось это, когда мой проект, дело всей жизни, бережно возведенный по кирпичику, с нетерпением дожидался своего открытия. Оставалось малое: получить ключи и распахнуть парадные двери. Но ключи везли из Москвы, хоть и транзитом через Германию. Рок, злой рок, да клеймо обреченных тянуть ляжку судьбы без рассветов и закатов! Какие бы умы не трудились на благо стран-изгоев, чей „флагман“ – моя родина СССР, сколько бы амбиций не выплескивалось, из западни истории этим социумам не выбраться! Сколько копий мною сломано и идей истолчено, чтобы воплотить призвание, с которым я явился на белый свет! Через какие тернии я не ломился и сквозь какие ситечка не процеживался, чтобы в конце концов упереться в стену в полушаге от цели. А значит, начинай все с начала! Да и родина моя, пария, не только мать-неудачница, а и зловещий ломбард, где заложены душа и тело, а подъемные – пятикопеечный билет с открытой датой, компостируемый усердной контрразведкой».

Прозвучавший по BBC выпуск новостей подтвердил весть об исчезновении борта, ранее переданную из Претории. Скрипя не только шинами, Шабтай резко развернулся и поехал обратно в Габороне. Его преследовала мысль: «Мое время завертелось юлой. Останови, не то – мордой в грязь!»

***

В Москве, как и в Ботсване, столбик термометра застыл на той же отметке – тридцати, только мороза, а не жары.

Коммунальное хозяйство столицы уже неделю горбатилось в аварийном режиме, не успевая латать одну прореху за другой: то и дело лопались плохо изолированные трубы, отсекая

водоснабжение целых кварталов. «Пятилетка за два года» держала экзамен на гениальную простоту «идеи».

Из-за сильных морозов температура обогрева упала до десяти градусов, обратив жизнь больниц и детских учреждений в гуманитарную эпопею. Прочие же граждане просто мерзли, проклиная всех подряд: управдомов, городские власти, опереточного Лелика, буксующую на очередной стройке века страну.

Ремонтные службы просто валились с ног. Спасаясь от обморожения и авралов, многие коммунальщики боролись со стужей хорошо обкатанным способом – «теплыми» компаниями.

В зону «обледенения» попали и корпуса Первого управления КГБ, службы внешней разведки СССР. Оказалось, что даже столь привилегированная структура иммунитетом от непогоды не обладает.

Ревизор службы сидел в своем кабинете с накинутым на плечи пальто и складывал бумаги в папку «К докладу». Зябко, пальцы его слушались не очень, но в конце концов ревизор со своей нехитрой задачей справился. Захлопнув папку, подполковник Ефимов встал и направился к выходу, прежде повесив на вешалку пальто.

В коридоре – пусто, он подумал: «Холодрыга. По норам все».

Путь Ефимова лежал в кабинет Главного, просьбу об аудиенции он подал еще за неделю до визита. По дате она совпала с его ежемесячными отчетами, вследствие чего, выделив время, секретариат ее рутинно внес в журнал.

Увидев в дверном проеме Ефимова, курирующий его направление офицер отрывисто сказал:

– Прием отменен. Доклад оставьте, передадим. Если понадобится, вызовем.

Подполковник растерялся: такой сбой регламента ему не припоминался. О любых сдвигах в распорядке приема предупреждали загодя. Папку, однако, вручать не спешил, намереваясь сказать: «Только лично». Но в итоге промолчал и папку отдал.

Возвращаясь к себе, подполковник задумался: «Отчего это меня выставили столь бесцеремонно?» Но, вспомнив, что в обычно запруженной по утрам приемной, кроме секретарей, ни души, заключил: «Случилось что-то... Не исключено, прокол, вот и не до бухгалтерии Главному». В одном Ефимов не сомневался: Главный у себя, каждое движение помощников – с некоей оглядкой.

Выражаясь милицейским жаргоном семидесятых, в Первом управлении действительно «случилось». Но не рутинный ляпсус, от которого не застрахована даже разведка, высокоорганизованная, изоциренная структура, а нечто экстраординарное – из иной, отличной от советской, системы координат. Аномалия такого масштаба могла потрясти основы самого плюралистического общества. Закованный же в броню идеологии СССР, переважив прецедент, был обречен «прополоть» весь верхний аппарат власти.

Подполковник Ефимов не ошибся: Главный и правда был у себя. Откинувшись в кресле, барабанил пальцами по массивной столешнице. Выглядел скорее задумчивым, чем взволнованным. О том, что решает задачу, цена которой собственная жизнь, ровным счетом ничего не говорило. Разве что лицо, более сосредоточенное, чем обычно.

Он и сидевшие рядом два офицера, его заместитель и начальник финансового отдела, за последние сорок минут не проронили ни слова, точно члены тайного ордена, практикующие особый «язык» общения. Но не телепатический или сенсорный, а вполне обычный – письменный.

С интервалом в две-три минуты то один, то другой брал из стопки лист бумаги и черкал несколько кратких словосочетаний или предложений. Лист затем путешествовал по кругу, задерживаясь – когда для беглого ознакомления, а когда и дольше – для комментариев, опять же письменных. Заканчивал свой недолгий путь образчик лапидарности в стоявшей

рядом бумагорезке. Царила слаженность. Даже когда Главный был последним в цепочке по «освоению» листа, он непринужденно вставал и бросал его в агрегат, не выключавшийся с момента открытия форума.

Пообщавшись так около часа, молчуны закруглили «беседу», и топ-функционеры из кабинета Главного ушли. Судя по целеустремленности во взглядах, казалось, троица, обретя консенсус, запустила в действие некий механизм.

Едва за визитерами хлопнула дверь, как Главный – а был он главой советской внешней разведки генерал-полковником КГБ Ремом Остроуховым – нажал на селекторе кнопку «Приемная». Услышав сигнал соединения, жестко бросил: «Ко мне никого. И не до обеда, до новых распоряжений!»

Затем Остроухов включил монитор, куда мог вызвать любую телевизионную станцию Европы. Несколькими переключениями добрался до **sat** – первой общенемецкой телекомпании, которая попала под руку. Увидев на экране заставку выпуска новостей, Главный одел наушники – устройство сконструировано для индивидуального пользования.

Сообщение о крушении «Боинга-747» в Сахаре прозвучало первым. Говорилось о ведущихся поисках самолета и возможных жертвах. Отмечалось: «Практически все пассажиры лайнера – немецкие туристы из различных земель Западной Германии». Информацию завершал комментарий: «Несмотря на ведущиеся вторые сутки поиски, ливийским ВВС не удалось обнаружить место крушения, от помощи же правительства ФРГ Ливия отказалась».

Остроухов выключил монитор, снял с себя наушники и снова застучал пальцами по столу, на этот раз – едва издавая звук. В его же сознании гремела мерзопакостная, раздирающая серое вещество трещотка: «Разбился, разбился, разбился, разбился! И чуда не произошло. Теперь, чтобы выжить, надобно это самое чудо сотворить. На все про все – месяцев пять-шесть, не больше».

Остроухов не знал, что в приемной, в считанных метрах от него, лежит папка, способная развеять и иллюзию чуда...

Глава 3

Подложив руки под голову, Шабтай лежал в номере габоронской гостиницы «Блэк Демонд» и тоже надеялся на чудо. Между тем его заигрывание с гильотиной небес, зорко отслеживающей рискованных парней, не проявляло и намека, как решить его проблему.

Но, в отличие от Остроухова, о жизни своей он не тревожился, ей будто ничего не угрожало. Разве что вода, кишевшая бациллами, и полчища насекомых, повсеместно преследовавших его в Ботсване, этой самой нищей стране континента.

Казалось, его печальные глаза наводнила вся грусть мира, но признаков отчаяния и в помине. Взгляд его стремился в потолок, где, чуть поскрипывая, вращался вентилятор, единственная польза которого – разгон мух и прочих насекомых. В Габороне стояла жара, причем такая, что даже привыкший к высоким температурам израильтянин Шабтай, молодой тридцатидвухлетний мужчина, дышал натужно, норовя побольше набрать воздуха, которого, по его ощущениям, не хватало.

Как ни странно, жара сегодня в помощь, чуть отвлекает от тяжелых дум, подумал он.

Вторые сутки Шабтай решал неподъемную задачу: где за неделю выудить три «недоспелых лимона» и спасти проект, который вынюхивал со своих первых дней на Западе, а планировал – со школьной скамьи? Начинание, призванное сделать его, малоприметного парня из провинциального Каунаса, гражданином мира, желанным гостем великосветских салонов, сильных мира сего. А заодно – и его компаньонов из Москвы.

Во рту у Шабтая не побывало ни крошки с тех пор, когда он узнал о крушении борта. Одутловатость щек почти исчезла, укрупнив и без того французский шнобель. Утратив ветрила и сев на мель, его разум навязчиво вторил: «Деньги, деньги, где взять деньги – 30.000 зеленых бумажек, сотенным достоинством каждая? А впрочем, и любая деноминация сойдет, лишь бы наскрести сумму».

Постепенно, едва видимыми гребками, мысли Шабтая выплыли из цугцванга, стали разминать плечи.

«Не получилось, – взбодрился он наконец, – не отчаивайся! Что, в первый раз? Пакуйся и домой. Бессмысленно торчать в этой Ботсване* или Поцсване* – кому, что больше по душе. И глупо изгаляться, лепя прожекты, как вареники. Зачем сегодня бомбардировал президента новыми идеями, а заодно, как бы между прочим, намекал об отсрочке по главному проекту? Ему же начхать, кого пропихивать, лишь бы кандидат «отслюнивал» по правилам. Пойми, денег нет и не будет, стало быть, нечем президента «подмазывать» и тендер выкупать. Домой, к семье, на всех парах! Открой риэлтерскую или страховую, пережди немного. Игра на мизере, бесспорно, но не святым же духом питаться? Рано или поздно «пруха» выстрелит. Если не мне, то кому? На примете, да, ни вершка, но что ты знал о Ботсване еще год назад? Есть и другие белые пятна на карте, не отслеженные перископом большого бизнеса.

Не предполагал, конечно, что путь наверх проляжет через вонь общественных сортиров Габороне, квартирные здесь пока в диковинку, что тучный мир капитала, по факту, матрица развитого социализма, ибо серьезный бизнес на Западе – залог благополучия и влияния – в руках кучки избранных, сплоченных намертво, и вклиниться в этот монолит – все равно, что подделать пропуск в Политбюро или после смерти получить по математике Нобеля. Родиться же в стране, где бедность в фаворе, а за предприимчивость давят, обрекает пожизненно терпеть снисходительные улыбки: молодец-де, что вырвался, но чего ломишься в наш задраенный ангар, где у каждой полки свой хозяин, передающий «казанок» по наследству. Но... народ, богом меченный, от цели не отстывает, а ты, верный сын его, своих предков чтишь!»

Условившись с самим собой, Шабтай вскочил на ноги и бесцельно забегал по комнате. Вскоре, однако, остановился, задумался: «Смыться ко всем чертям всегда успею, но не сделано что-то, важное очень... Черт, залипло, вспомнить не могу. То ли должен мне кто-то, то ли я кому...»

Думка эта, как назойливый сосед по купе, досаждала долго, пока Шабтай, вдруг озарившись, не двинулся решительно к шкафу. Там покоилось нехитрое убранство: брюки да рубашка и еще пара аксессуаров. Из-за жары он прел в полном неглиже...

Через несколько минут, спустившись в лобби, он достал из портмоне клочок бумаги и «переписал» цифры на диск телефона-автомата. После семи гудков хотел было повесить трубку, когда раздался звук соединения, но ни «алло», ни «да» не прозвучало. Эфир заполнили пьяные мужские голоса, сродни крикам орангутангов, и глупые хихиканья женщин. Пьянь бес- смертна, размножается и в саванне, подумал он. Ему вновь захотелось повесить трубку, но тут он услышал:

– Говорите, алло-алло! – Абонент – Барбара, сотрудница польской колонии строителей. С ней (Барбарой) Шабтай завел знакомство, проталкивая один проект.

– Это я, Шабтай, – по-польски ответил он, нахватавшись языку от соседа по лестничной площадке в далеком детстве.

– Кто-кто, Шандор?! – взвизгнула трубка.

Шабтаю стало ясно, что среди поклонников Барбары отметились и венгры, недавно основавшие в Ботсване свою колонию.

– Помнишь, «Ланком»... духи... у пана Зденека... – освежал память, а может, обоняние подвыпившей девицы Шабтай.

– А, шановный пан испанец, говорящий по-москальски и по-польски, да еще с туманным настоящим, – бойко протараторила Барбара. Язык ее, правда, чуть заплетался.

Шабтай озадачился: «Как из дебрей охмеления выбралась развернутая, не лишенная про- ницательности фраза?»

– Как поживает незабвенная Барбара? – словно прослушав пикировку, игриво отклик- нулся он.

– Праздную день рождения. Только чей, не помню... Гражины или твой, Кшиштоф? – Речь Барбары уже напоминала танец хромоножки.

– Достала, кобета*, отстань! – огрызнулся невидимый Кшиштоф. Тут же спохватился: – Миндальничает чего? Водку пусть тащит! Тореодор-трахальщик...

– Слышал? – вернулась к разговору Барбара.

– Как к тебе добратся? – спросил как ни в чем не бывало Шабтай.

– А ты цепкий, – прозвучал ответ, а после паузы – и адрес абонентки.

Шабтай поднялся к себе в номер, достал чемодан. Порывшись, отыскал бутылку «Джонни Вокера», припасенную для представительских целей, но так и не оприходованную. Забросил емкость в целлофановый мешок, заторопился на выход. Через пять минут его джип, взыв, выехал с гостиничной стоянки.

Рулить не долго – каких-то пару километров. В крохотном Габороне не разгуляешься. Несмотря на статус столицы, город даже до общественного транспорта не дорос. Здесь штаб- квартира президента, гостиница «Хилтон», городской рынок и множество зловонных сва- лок сомкнулись в печально-комичный комплекс, являя собой сплав дремучей африканской деревни и хилых попыток из нее выползти – в какой-то не вполне понятный век.

По пути Шабтая одолевали противоречивые чувства. Словно воздушный шарик, его несло к Барбаре, но в глубине души досаждала роль, которую по ее капризу предстоит испол- нить – интенданта страждущих нагрузиться по ГОСТУ строителей.

«Неужели, добиваясь взаимности у красивой женщины, обязательно наряжаться в одея- ния шута и без унижений не покорить ее сердце?» – в какой-то момент взгрустнулось ему.

Барбара, неотразимая блондинка, при их знакомстве до замыкания рассудка напомнила ему Регину, женщину-мечту, завоеванную им, но которую был вынужден бросить, покидая СССР. Женщину, и бледной копии которой он так и не встретил, пока не оказался в Ботсване, чуть ли не на краю земли.

До крушения «Боинга» мысли о шикарной польке не покидали его. Их союз виделся первым призом на пути к триумфу – той сладкой туманности, где, вспыхнув, воплотятся его самые сокровенные мечты. И то, что до вручения подарка Барбара взирала на него как на надгробную плиту без надписи и огранки, Шабтая ничуть не смущало. Для себя он все решил, едва ее увидев. Ни естественное бремя семьи, ни гражданство Барбары – страны с деградирующим авторитарным режимом, да еще балансирующей на грани советской оккупации – сбить его с курса не могли. Так уж распорядилась им природа, где только иголок не натывав...

Проехав полпути, Шабтай поймал себя на том, что из-за березок прошлого выглядывает Регина, чуть заслоняя героиню приближающейся ночи.

«Странно, – подумал он, – азарт ведь охотника ослепляет... Да ладно, какая разница!»

Здание, где обитала Барбара, оказалось одноэтажной глинобитной мазанкой, из внешних стен которой торчала арматура – то ли деревянная решетка, то ли ветки деревьев, а может, и то, и другое. Судя по расположению дверей – строго в ряд – классическая общага, но номерные знаки и геральдическая символика отсутствовали. Тут Шабтай сообразил, почему Барбара уточнила: «До конца налево, предпоследняя дверь». Подумал еще тогда: «В подпитии деваха – вот и забыла номер или у друзей гостит».

Поравнявшись с нужной комнатой, он почему-то вспомнил, что его литовская любовь на дух не переносила алкоголь, но сей момент дверь внезапно распахнулась.

Его изумила газета, которую руки мужчины конвульсивно вжимали в лицо. Шабтай даже заметил название – «Трибуна люду», официоз польских властей. «Трибуна» зигзагами двинулась прямо на него, и от столкновения Шабтая спасла лишь генная, никогда не дремлющая у его племени реакция.

«Трибуна» ударилась локтями о противоположную стену, но равновесие не потеряла. Затем, опираясь о стену одной рукой, а другой – придерживая газету, издававшая непотребные призывы «агитка» помчалась налево – в торец – виляющими во все стороны «колесами». Должно быть, направление ею было выбрано не случайно. Именно оттуда доносились запахи общественного туалета, которые вскоре обогатил «аромат» пищеварения, прерванного на стадии ранней сортировки.

«В редколлегию журналиста зачислили без отбора», – как-то умудрился отметить про себя ошарашенный Шабтай.

Он еще с минуту озирался по сторонам, опасаясь возвращения «репортера», при этом заглянуть в комнату не решался, несмотря на распахнутую настежь дверь. Наконец, собравшись духом, но глядя себе строго под ноги, по-видимому, опасаясь поскользнуться, проследовал внутрь. Лишь дойдя до стоявшего в центре комнаты стола, поднял глаза, осмотрелся.

«Nature morte», – вполголоса молвил он, почему-то прибегнув к французскому, с которым «сошелся» совсем недавно. Между тем «картинка» никак не напоминала натуру, способную вдохновить художника, баталиста разве...

Треть комнаты занимали две кровати. На одной – спиной к нему – сидела Барбара, прислонившись головой и плечом к стене и подобрав под себя ноги. В подобном ракурсе Шабтай ее прежде не встречал, общаясь только в офисе и только анфас. Он замер от смачной открытости ее линий, но вскоре его внимание переключилось на иное, из ряда вон выходящее.

На второй кровати – напротив Барбары – застыла композиция, сложившаяся из оползней подсознания. На панцире, сбросив на пол матрац, раскинулись двое: мужчина средних лет и молодая, не отличавшаяся красотой лица девушка, судя по телефонному разговору, Гражина. Все пуговицы на ее рубашке вырваны с мясом. Несколько на полу, остальные – на матрасе.

Рубашка сорвана с плеч, хоть и остается заправленной в юбку. Чашки бюстгальтера откинута, оголив налитые щедрой природой груди. Девушка крепко спит, свернувшись калачиком. Контрастом улика первичного насилия, ее лицо безмятежно, умиротворено даже.

Комнату насыщают запахи карамели, африканских пряностей и обильно пролитого алкоголя.

Мертвецки спит и сосед Гражины, господин со склоченной шевелюрой и неестественно бледным, по-видимому, от перебора горячительного лицом. Из правого кармана брюк выглядывает воздушный шарфик кремового цвета, поначалу принятый гостем за носовой платок. Шарфик – в тон рубашки девушки. Он, должно быть, служил одним из предметов ее туалета, покоясь на шее до начала «любовных игр».

Между тем внимательный осмотр оконфузившегося Ромео признаков фетишиста в нем не обнаруживает. Да и сама форма «прелюдии», пещерно экспрессивная, создает ему алиби от изгнания в лагерь забитых сексуальных меньшинств. Его ноги на полу, туловище – на кровати, лицом вверх.

Девушка чуть похрапывает, а присутствие соседа по койке выдают одни габариты. Шабтай встревожился: не плохо ли «бледнолицему», может, сердце подвело? Хотел было подойти ближе, когда тот издал гортанный звук, напоминавший рык шамана. Перекрутившись вокруг своей оси, «бледнолицый» вновь замер рядом с Гражиной. Его точка опоры переместилась со спины на колени, которые уперлись в пол. Корпус остался на прежнем месте – на кровати, на этот раз – животом вниз. Правая рука вцепилась в панцирь, надо полагать, в стремлении остановить сползание вниз, а левая – соприкоснулась с ладонью девушки. В это мгновение Гражина улыбнулась во сне. Если та улыбка не была случайной, то горе-любовник наконец одарил спутницу первым знаком внимания – человеческого, разумеется.

Шабтая вдруг посетила озорная мыслишка: не дать ли «Ромео» под зад пинка, чтобы тот вконец не свалился? Но он лишь выругался про себя на каком-то случайно подвернувшемся языке и перевел взгляд на Барбару. Одно очевидно, не на французском. Штудирюя базовый словарь, до раздела ругательств дойти не мог.

От злых духов, воцарившихся в комнате, Барбара, в отличие от ее коллег-приятелей, заслонила по-своему, хотя и застыла, как при блокировке памяти, и не среагировала на появление Шабтая.

Она плакала. Кристальной прозрачности слезы катились по огрубевшему, опухшему лицу, что создавало особый, почти метафизический эффект. Шабтая пронзило: «Ее великолепие, покинув плоть, перетекло в эти слезы. И она во власти жестокого катарсиса, где цена очищения – собственная красота».

Слезы падали на шею и катились дальше. Невольно опустив взор, он увидел, что кофточка в районе груди Барбары прилегает плотнее обычного, а скорее, прилипает, но образ в формате «Playboy» или «Hustler», едва явившийся, вдруг примяло.

Шабтай подошел к Барбаре и водрузил ладонь ей на макушку. Казалось, он вот-вот ее приласкает, но рука не двигалась. Ладонь, будто вдыхая воздух, едва вздымалась и опускалась. Все же его пальцы пришли в движение, нежно перебирая волосы.

Тем временем он испытывал занятную комбинацию чувств: жалость к соляной царевне и смешение перед мистической загадкой, почему страсть к женщине то колбасит «икотой» вождения, то подвигает к нежности и самопожертвованию и как эти начала уживаются друг с другом...

Вскоре Шабтай примостился на кровати и обнял пассию. Барбара не откликнулась ни так ни эдак, продолжая беззвучно плакать. Шабтай достал из кармана платок, поднес к ее лицу. Резко отстранившись, Барбара разразилась безутешными всхлипами. Он убрал руку, отодвинулся. Встал на ноги и пересел на ближайший стул, разрываясь между чувством сострадания и крепнущим раздражением. «Иприты» желудочной кулинарии, доносившиеся из коридора,

и безутешность Барбары, сильно смахивавшая на пьяный психоз, обнажили тривиальное: либо Барбара не его героиня, либо сегодня неудачный день для сближения и лучше отложить ухаживания на неопределенное «потом», с учетом его неминуемого отъезда...

– Как могла, подлая! – донеслось откуда-то.

Шабтай невольно вздрогнул от людской речи, впервые прозвучавшей в этой камере призраков.

Голос женский, но чей – Барбары или Гражины – в силу плаксивости тембра, он не разобрал. Между тем в досрочное воскрешение Гражины верилось с трудом. Так что почти тотчас Шабтай повернулся к Барбаре.

Маска отрешенности сползла, но вместо присущей пассивности холерности черт – бабская простота и незащитность. В Шабтае вновь шевельнулась жалость, он нахмурился.

– Говорила, не бери! – вскрикнула истерично Барбара.

Он озадачился, не зная, как себя вести дальше: вступить в дискуссию или благо разумно промолчать, дожидаясь контекста? Чуть подумав, уточнил все же:

– Кто обидел тебя, кохана?

– Гражина, – с трудом выдавила сквозь слезы Барбара.

Во взгляде Шабтая мелькнуло недоумение: почивающая в глубоком сне Гражина больше напоминала жертву, нежели агрессора.

– Взяла без спросу, – всхлипнув, пояснила наконец Барбара.

– Что взяла? – живо поинтересовался Шабтай.

– Рубашку! – В затылок Шабтая забарабанили пуговицы, валявшиеся поблизости...

– Я куплю тебе сто рубашек! – выпалил вдруг он, изумившись, как на пустом месте может развести женщину, пусть не без помощи коварного змия.

– Такую не купишь, из Парижа она... Все завидовали... – прохныкала пассива.

– Я отвезу тебя в Париж и найму охрану, чтобы таскала за тобой сумки, перестань только плакать! – блеснул деловой хваткой Шабтай как на одном духу.

– Что за чушь?.. Забыл, откуда я, наверное. Да и ты, если русский, коим образом в Париж попадешь? Самолет угонишь или астронавтом, как Гагарин? Прожектер! – парировала Барбара.

Шабтай вновь подивился, как в океане слез смог всплыть островок женского сухого рационализма.

– Гагарин давно погиб... – бесстрастно заметил он.

– Будто не знаю... Обещаешь, как все... Наши хоть скромнее: кто помельче – путевку в санаторий, если босс, то квартиру. А скопить денег да хворобы в Африке – предел мечтаний. Париж, охрана – все это пузыри из мыла, да и не видно по тебе...

Барбару оборвал очередной, донесшийся из туалета «речитатив» недр. Ее лицо сплющилось в гримасе и, закрывшись руками, пассива вновь заплакала. На этот раз столь жалобно, что сжалился бы и чурбан.

Шабтай увлек Барбару и крепко прижал к себе. Она прильнула к нему, не выказывая сопротивления, хотя и продолжала плакать.

Нюх ловца смятенных душ и прочей разномастной выгоды Шабтая не подвел, пусть тот маневр казался рискованным, чисто импульсивным.

Говорят, в восхождении к сердцу женщины первый па не менее важен, чем белый цвет в шахматах. Если ход удачен, то «снять» королеву – дело техники. Почин, будто в яблочко, но горн триумфа почему-то промолчал, а взамен круговерти удачи, воцарилась ясность, холодная, со стальным отливом: «Чего нос свой воротил, расклад ведь идеальный? Подумаешь, сюр, на руку как раз. С расстановкой, чувством и по-по-ряд-ку...»

Страхнув последнюю крошку сострадания, Шабтай отчеканил цель: увести из комнаты Барбару, пока пьяное царство не очухалось.

Оставалось найти слова в подручные, а может, только одно, но волшебное. Между тем, доверившись своему верному оруженосцу – интуиции, Шабтай решил придержать язык, прибегнув к языку касаний – великому эсперанто интима.

Он незаметно ослабил одну руку и, разворачиваясь, увлек Барбару к выходу, та подалась вслед. Пара почти поравнялась с дверью, все еще распахнутой, когда Барбара остановилась как вкопанная.

– Куда?

Шабтая словно ошпарило, но он тут же откликнулся:

– Подышать и развеяться немного... – хотел было продолжить: «Тебе в самый раз».

Но передумал, найдя фразу двусмысленной. Сменил начало: – Сейчас в самый раз.

Замена частей речи не помогла. Резко поведя плечом, Барбара сбросила руку ухажера. Из роя фраз-заготовок, кинувшихся Шабтаю на подмогу, он, похоже, извлек наиболее удачную:

– Тебе станет лучше.

– Где?

– На воздухе.

– Почему не здесь? – Барбара недоверчиво уставилась на эскорт, казалось, предугадывая подвох.

– Тебе нужен покой. – Поворотом головы Шабтай указал на «натюрморт» в глубине комнаты.

То, что последовало далее, возможно, заинтересует исследователей, бьющихся над разгадкой женской души – поля неприступного, малоизученного...

Лицо Барбары озадачилось некоей неотложностью. Она развернулась и, ловко минуя препятствия в виде разбросанных по полу бутылок, быстро достигла дальней кровати, стойко снискившей перегруз – от прерванной на полуслове интриги и ненормативного груза. Правой рукой ухватила за карман вновь окоченевшего «Ромео», левой – аккуратно вытащила торчавший из кармана шарфик кремового цвета.

Тут Шабтая осенило, что сей предмет – не что иное, как элемент безвозвратно сгубленного наряда от того же, что и рубашка, кутюрье.

С бешеным блеском в глазах, выказывавшим триумф денационализации, Барбара распахнула створку шкафа, стоявшего рядом, и бережно повесила шарфик на свободную вешалку. После чего закрыла шкаф на ключ, проверила надежность запора и, казалось, на новой волне – поднятой на гора задачи и манящих сопков будущего – проследовала обратно. Подхватила Шабтая под руку и вывела из комнаты прочь, лишь захлопнув входную дверь, не запирая.

Новоиспеченная пара претерпела резкую перемену ролевых функций: из ведущего Шабтай сподобился в ведомого, в полной растерянности и смятении чувств.

Глава 4

Присев на макушке бархана, Эрвин рассматривал подопечных. Те плелись в отдалении друг от друга, что по законам перемещения в пустыне – смерти подобно. Инструкция «держаться цепочкой» все чаще не выполнялась, и Эрвин окончательно определился: дабы целостность группы сохранить, самое время прибегнуть к замысленной еще на борту «Боинга» заготовке.

Шел четвертый день их марша по планете Песков, и одиссея пока разворачивалась по наихудшему сценарию. Никаких следов до самого горизонта. Больше того, никаких намеков о приближении саванны, гор или хотя бы облачности. Стало быть, цель – вырваться из мертвящих объятий пустыни – не то чтобы отдалялась, она физически не существовала, а вернее, ей не за что было зацепиться.

Эрвин уже не раз ловил себя на мысли, что большая часть его спутников – не ведавшие тяжкого труда европейцы – держатся в условиях Сахары сносно. Сносно, правда, было скорее самоуспокоением, учитывая их волочение по плавуну песка и частым остановкам, но качеством можно было пренебречь. Главное то, что они *шли*. Тащили себя, поклажу и выполняли его команды, хоть и не всегда успешно. Но самое существенное: сохраняли волю – стержень сознания. Ведь большую часть светового дня пустыня то слепила песчаными бурями, то безлико растекалась, то накатывалась иллюзиями в виде дождей, снега, очагов жизни и даже мегаполисов.

Способность полноценно осеять друг друга и сам ландшафт возвращалась лишь с приближением сумерек. Но проку в этом было мало – злоеющая махина сна опрокидывала несчастных, едва они становились на ночлег. И добудиться горемык, пока не начинало припекать, вожаку приходилось все труднее.

Эрвин поднял обе руки, просигнализовав на разработанном им языке жестов — «привал». Лишь этот знак рождал мгновенный отклик, на иные подопечные реагировали с натугой, после неоднократных повторений.

Скучившись, друзья по несчастью повалились навзничь – кто, успев подложить под голову поклажу, а кто – просто в песок.

Привыкший к царившей на привалах унылой апатии Эрвин отметил про себя перемену, странными бликами мелькавшую на лицах сотоварищей, но всматриваться особо не стал, ибо измождение превалировало.

Побродив среди разбросанной оснастки, Эрвин разыскал нужный ему мешок, откуда вытащил бухту беспорядочно смотанных проводов различной длины. Распутав ее, он закопошился.

Чем-то то копошение напоминало суету подростка, озабоченного гнусным дельцем, дабы заарканить нечто доверчивое и незащищенное...

Распрямив на песке очередной обрывок провода, Эрвин изучал его, после чего выгибал окружности колец – через определенные, строго выверенные интервалы. Далее кольца примерялись к пояснице и, при необходимости, уменьшался или увеличивался диаметр. Сварганив последовательно семь колец, Эрвин мудреными узлами соединил фрагменты в единый шнур, который чуть погодя смотал в бухту электрика-высотника. Разровнял перед собой песок и изготовился к инструктажу. Но внимательно осмотрев распластавшиеся, почти безжизненные тела, с нововведением решил повременить – до тех пор, пока подопечные не отойдут от изнурительного перехода.

Воспользовавшись паузой, Эрвин сам прилег на бок, подперев голову рукой. В отдыхе он нуждался не меньше сотоварищей, но его корневая система и школа особых, относительно недавно усвоенных навыков позволяли ему держаться на плаву гораздо дольше, нежели обыч-

ному смертному. Глаза закрылись и, невзирая на отупляющую жару, Эрвин провалился в подземелье сна, где было муторно, но так вольготно.

Моисей Сахары приподнял веки ровно через полчаса по сигналу внутреннего, работавшего без погрешностей будильника. Он заметил, что наблюдающий за ним Гельмут отвернулся, едва их взгляды встретились. Здесь Эрвина осенило, что та маловразумительная подвигка в настроении ребят, замеченная при распаковке на привал, – сигнал крепнувшего недоверия к нему, а точнее, его роли безоговорочного лидера. Хотя на место предводителя команды поневоле никто не претендовал ни в первый, ни в последующие дни марша, он сразу занял его, руководствуясь лишь ему ведомыми соображениями...

Если с новшеством по смыканию рядов в группе Эрвин решил повременить, то с посягательством на свой авторитет мириться не собирался. Подобрал под себя ноги, командор выпрямился и в задумчивости разглядывал Гельмута, могло показаться, подбирая к некоей проблеме отмычку.

Узрев в облике Эрвина мало свойственные ему раздумья, Гельмут заерзал на песке, одновременно почесывая лицо, укутанное куфией из обшивки самолетного кресла.

Тем временем Эрвин напустил на себя настоящий туман, и, казалось, искусственно растягивает паузу тщательно укрываемых намерений. Гельмут чесался уже непрерывно, и Эрвин заметил, что на лице визави кое-где треснули капилляры.

Тут вожак опустил голову и указательным пальцем стал водить по песку, словно потерял к Гельмуту всякий интерес. Но вдруг как гром в пустыне прозвучало:

– Что вы задумали, Гельмут?

Гельмут не откликнулся, однако звуки борьбы с чесоткой стихли.

– Повторить свой вопрос, дружище?

– Какой вопрос, Эрвин? – Голос Гельмута комкало волнение.

– Кто воду мутит? Теперь, надеюсь, врубился?

Гельмут вновь зачесался, но было неясно – от заставшего его врасплох вопроса или, колеблясь, что ответить.

– Боюсь, нужна подсказка: Дитер, наверное? – подсобил вожак.

В ответ – лишь метание кадыка на шее у визави, но Эрвин учуял, что попал в точку.

Дитер, доктор языкознания из Нюрнбергского университета, – единственный, исключая вожака, кто на тот момент преодолел посттравматический синдром катастрофы. Кроме того, именно он, наблюдая у обломков «Боинга» за приготовлениями к маршу, усомнился, стоит ли покидать район аварии и выбираться на своих двоих, не дожидаясь спасателей.

Не менее двух суток с момента аварии волочившие за собой ноги «следопыты» пустыни походили на подопытных кроликов, коих боднул электрошок катастрофы. Эрвину понадобилось немало изобретательности, чтобы заставить их идти по маршруту. Дитер же, не в пример остальным, почти сразу возобладал над собой и, не будь деморализующей жары и лезших из ее чрева миражей, смотрелся бы, будто момент падения проспал или просидел в туалете.

Эрвин не раз уже наталкивался на его полный достоинства, независимый взгляд, но угрозы своему лидерству поначалу не ощущал. Скорее всего, в первые дни ему было не до соперничества. Обеспечивая «плавучесть» группы, он сам балансировал на пределе возможностей организма и разума.

По большому счету, весть о разброде в коллективе не застала Эрвина врасплох. Утром группа прикончила все объедки, которые он извлек из технического отсека самолета. И его не минуло опасение, что настрой ребят – и без того далекий от оптимизма – вскоре покатится под откос. Хотя нетронутыми оставались печенье и орешки, сохранившиеся, как и объедки, в подсобке лайнера, чисто психологически – «десерт» не заменял привычную еду, пусть в виде остатков-огрызков и начавшую разлагаться. К тому же, с учетом чудовищных нагрузок пути, припасов могло хватить максимум на неделю. Лишь вода в достатке, но лишь пока... Им неска-

занно повезло, что самолет разбился в разгар сахарской зимы, а не летом. Но и нынешняя температура – где-то в районе тридцати градусов – не сулила шансов выкарабкаться, если в ближайшее время не обнаружить источник воды.

Еще расспрашивая Гельмута, Эрвин почувствовал, что сотоварищи, к которым он повернут спиной, настороженно следят за беседой, всем скопом. Особо не мудрствуя, заключил: «Ферменты брожения заработали, так что, пока не поздно, придуши источник, не то с бунтом не совладать!»

Спокойно осмотревшись, Эрвин убедился, что и правда нечто замышляется: протестные токи более чем очевидны, образуя полукруг отторжения, вполне осязаемый. Прикрыв веки, он как-то странно покрутил шейю, поджал губы и, наконец, распахнул глаза, казалось, высвобождаясь от чего-то.

Тотчас единство в рядах формирующейся оппозиции раздробилось. Двое отвернулись, остальные – то поправляли снаряжение, то рассеянно вращали головой. Лишь Дитер продолжал смотреть на него, раскованно и даже без вызова.

В сознании вожака затрепетали крылышки сомнений, обрисовавшие в итоге полукруг с хвостиком и точкой. Хотя невозмутимость Дитера поколебать устои Эрвина не могла, он задумался. Но, по сути, был скорее заинтригован хладнокровием профессора, нежели искал контрход.

Редкий дар Эрвина – внушать животный страх – заявил о себе, когда ему едва исполнилось восемнадцать. «Выстреливал» Эрвин, правда, избирательно, в моменты радикальных для него устремлений, за которыми редко стояло его «я», по природе своей незлобивое, а с некоторых пор – по науськиванию его хозяев, эксплуатировавших Эрвина на узкопрофессиональном поприще. Эрвин, несомненно, отдавал себе отчет, что помазан неким козырным, отличающим его от прочих смертных талантом, но ощущение своей избранности было скорее подспудным, нежели функциональным. Его естество, живущее неброской, самодостаточной жизнью, держало тот дар на задворках. Вроде, есть и есть, что с этого? В рыхлой повседневности сонной, мерно жиреющей Европы польза от него никакая. Человеком он слыл некоммуникабельным и даже замкнутым. Люди его интересовали не более, чем партнеры, без которых не обойтись в инфраструктуре разветвленного, взаимозависимого общества. И он общался с ними строго по необходимости.

При всем при том его цеховая специализация – человеческий фактор, а вернее, точечные операции против людей, которые, работая на его патронов, начинали отлынивать, набиваясь тем самым на нравоучения, либо заинтересовали патронов, но сговорчивость не проявили.

Несложно предположить, что подобный тип личности не отличался ни широтой взглядов, ни харизмой. Да и откуда тому взяться? Парень, как говорится, от сохи. В послужном списке – лишь аттестат зрелости, да и то «вечернего созыва». За душой, правда, имелась еще одна ксива, но на руки не отпущенная. Там, где Эрвина наставляли, путевку в жизнь лишь архивировали, в корочки не облакая. Реноме заведения от формальностей освобождало: специалистов там готовили штучных, уникальных. Зачем, простите, ясновидящей справка – родиться надо. Вместе с тем запись о спецтренаже имелась, хотя и хранилась за семью печатями...

Облекая его дар в одежды ремесла, анонимная альма-матер к вопросу общей эрудиции Эрвина отнеслась с равнодушием – программа не предусматривала. Зато предполагала закалить физически, натаскать цеховым навыкам, которых требовалось более чем достаточно, равно как и привить способность усваивать звания, сугубо прикладные. И, безусловно, очистить его редкий дар от всякой шелухи, дабы срабатывал, едва раздастся приказ. Посему раздел «Поведенческие модели» прогнали по вершкам, ограничившись темой «Холерик, флегматик и какой-то там пингвин с недосыпу».

Распределившись по месту «работы», состоявшей из унылых будней ожидания команды, Эрвин, по установке хозяев, упорно работал над собой, притом что особой тяги к познанию

не испытывал. В интервалах между заданиями Эрвин изучал языки, диалекты родного немецкого, географию, обычаи стран и народов мира, флору и фауну климатических зон и добился на этой стезе заметных успехов. Да таких, что по совокупности знаний ему давно следовало присвоить степень магистра некоей комплексной, состоящей из множества разделов науки естествознания.

Разносторонняя квалификация позволяла Эрвину отлично справляться с заданиями, которые он время от времени получал, и находится у верхов на особом счету. Хотя от природы он был невероятно цепок, Эрвин выполнял поручения чисто механически – примерно так, как складывают дрова в сарае. Тоже ведь наука: без навыков ряд не ложится, валится. Именно в этом заключалась его особая ценность...

– Кто ты, Эрвин? – рассек возникшую паузу Дитер.

Эрвин промолчал, но по легкой игре морщин на его лбу могло показаться, что он нуждается в подсказке, точь-в-точь как Гельмут несколько минут назад.

– Откуда ты взялся, из каких краев? – продолжил, не дождавшись ответа, Дитер.

– Из Аугсбурга. – Глаза поводыря-самозванца чуть сузились, став непроницаемыми. Лицо же затвердело, словно олово, стирая выражение. Дитер отшатнулся, прочие же сотоварищи вжали головы в плечи. Песок под попутчиками Эрвина будто резко похолодел, ибо разум заграбастал ужас, спинномозговой, языческий. Сквозь коросту грязи и загара у Дитера, казалось, проступила бледность, у остальных – отвисли челюсти. Довлело ощущение, что их разум парализовал психотропный колпак, выпаривающий подпорки человеческого.

Расстыковка извилин у сотоварищей Эрвину была ни к чему, так как он нуждался в здоровых и как можно дольше устойчивых попутчиках. Вожак непринужденно встал и отправился врачевать им же нанесенные раны. Терапию избрал строго мануальную, в виде легких пощечин.

Отхлестав по очереди троих, Эрвин добрался до Дитера. К его удивлению, в профилактике тот не нуждался. Хотя лицо профессора сохраняло припорошенную хамсином бледность, судя по решительности черт, сдаваться он не собирался.

– Из Баварии, говоришь? Правдоподобно, но с перебором... – Голос Дитера выдавал напряженную работу ума, непонятно как отстоявшего свой суверенитет. Вокруг же зевала вялотекущая ремиссия остриженных ягнят, чей убой отложен из-за обеденного перерыва.

– К чему ты клонишь, не пойму? – процедил сквозь зубы Эрвин.

– Зачем от самолета увел, для чего? То, что ты сморозил, – безумие чистой воды и садизм!

Кто ты, Эрвин, признавайся! Ты ведь на безумца не похож! – выдал Дитер как на одном духу.

– Жертва, как все. Хотел помочь... – казалось, упрек задел жока за живое.

– Через неделю мы сдохнем, помощник! Социопат – вот кто ты, да еще непонятно откуда!

– Кто-кто? – явно озадачился Эрвин.

– Впрочем, не точно: социопат из морозилки!

– Ты поехал, Дитер, – спокойно, но твердо заявил предводитель.

– Мы в западне, из которой не выбраться! – не унимался профессор.

– Обвини меня еще, что самолет упал... – с горькой иронией укорил жока.

– Ты ослеп и не ведаешь, что творишь! – Дитер истерично притопнул, выказывая, насколько он взвинчен перебранкой.

– Ну-ка конкретнее! – Эрвин чуть отступил назад, будто выбирая лучшую позицию для обзора.

– Если конкретнее, то и твой маршрут без смысла – вокруг пустыня без края и границ, и возвращение гарантий не сулит... – как бы размышляя вслух, примирительно заговорил Дитер.

– Куда вернуться – к самолету?! Ты о нем говоришь? – прервал вдруг вылупившегося оппонента Эрвин.

– О чем же еще?

– Скорее твоя лысина зарастет, это же пустыня... – развел руками Эрвин.
– Лучше выслушай мой план! – выставил правую ладонь языковед, вновь распаляясь.
– Какой еще план? Ты бредишь, – усмехнулся Эрвин.
– Пусть мой план не безупречен, но рот мне не затыкай! – возразил Дитер.
– Валяй, астролог... – вяло отмахнулся предводитель.
– Поверни мы обратно... – нечто додумывал про себя Дитер, – на обратный путь уйдет дня три, не меньше. Итого: шесть с момента катастрофы. Случись самолет обнаружен в первые три дня после крушения, а вместе с ним и раненные, кстати, брошенные тобой на произвол судьбы, вряд ли им, бывшим без сознания, известно, что мы выжили и ушли своим ходом. Наши же следы занесло, сомнений тут быть не может. – Дитер замолчал, казалось, переводя дух, после чего продолжил: – Спасателям дел дня на три: собрать трупы, останки, по возможности, их идентифицировать. Если и сверялись со списком пассажиров, то нас, не исключено, списали как фрагменты, не подлежащие идентификации. Да и вряд ли они себя утруждали – Африка, здесь ты прав. Стало быть, при таком графике, вернувшись, спасателей мы не заста-нем. Ежели борт засекали позже или он не обнаружен до сих пор, то у нас сохраняется шанс и, боюсь, он единственный!
– Что все это значит? – осторожно осмотрелся Эрвин.
– Мы склонны вернуться.
– Кто это «мы»? – выделил последнее слово вожак.
– Я и остальные, так что... присоединяйся. Настроен – веди нас, ты и впрямь полезен...
Многое знаешь и умеешь, до странности многое... – подзуживаемый некоей загадкой, прого-ворил Дитер.
– Наш путь только на юг, лишь так спасемся! – жестко возразил Эрвин.
– Тогда... будем делить! – Дитер решительно мотнул головой.
– Что делить, припасы?
– Разделим поровну... – Профессор потупился, но спустя секунду-другую воспрянул: – Да и догнать всегда сумеешь, с твоей-то выносливостью! Впрочем, на мой вопрос ты так и не ответил: кто ты, Эрвин?
– Надо же, как солнце мутит... Заладил, как попугай, – вздохнул вожак.
– Тогда сам за тебя отвечу... К концу перехода, когда наш ресурс на исходе и душа про-сится вон, твой отличный немецкий, как бы это поточнее... устремляется к оригиналу что ли...
– Ты не на лекции, Дитер, что за чушь? – возмутился Эрвин.
– В нем проскальзывает лексика, – проигнорировав колкость, увлеченно повествовал Дитер, – известная лишь дюжине бородатых профессоров-лингвистов. И кому, как ни мне, знать, что ты к этой когорте не принадлежишь. Слова эти из диалекта, который бытовал на юге Германии в конце семнадцатого, начале восемнадцатого века. Вместе с поколениями, говорив-шими на нем, диалект давно и безвозвратно исчез. Но исчез в метрополии, сохранившись лишь у одной из общин, которая обитает – кто бы мог подумать – в русском Поволжье!
Эрвин вынул руки из карманов, что, впрочем, его хладнокровный лик не поколебало.
– Так вот, – продолжил профессор, – кроме, как в России, выучить этот диалект негде, если, конечно, исключить допущение, что, родившись в Лотарингии, ты последние два века отмыкал в барокамере, в которой заморожен процесс старения, то есть, в некоей морозилке. Можно, безусловно, предположить, что ты – один из советских переселенцев, недавно появив-шихся в Германии, но по целому ряду причин я так не думаю. За год-два такой немецкий, как у тебя, не осилить, да и тех, по западным меркам индейцев из резервации, видно за вер-сту – хоть бывшего бургомистра, а хоть кого другого. При этом, силясь вникнуть, кто ты, мне почему-то бросается в глаза тяжелый мешок, который непонятно зачем тащишь, – в нем нет никаких припасов. И каждый раз ожесточаешься, когда кто-либо из нас к нему подходит вплот-ную...

Эрвин нанес Дитеру молниеносный удар – аккуратно в солнечное сплетение. Профессор повалился на песок, корчась от боли. Вожак переступил через него и подобрал оба его мешка. В одном емкость воды, а во втором – припасы. Перенес их в центр привала, стал распаковываться. На расстеленном целлофане разложил шесть пакетиков с орешками и стаканчики для воды. Подняв голову, он увидел, что Дитер по-прежнему лежит, уткнувшись лицом в землю, прочие же сотоварищи – покорно смотрят на командора, не выказывая участия поверженному раскольнику.

Эрвин жестом хмурого соизволения махнул – к столу. Подопечные тут же подчинились, но, рассмотрев количество пакетиков на импровизированном столе, замялись в нерешительности.

Тут Эрвин огласил:

– Дитер без обеда, – и после паузы добавил: – Завтра тоже.

Вскоре «скатерть» опустела, но общая трапеза погорельцев не прельстила – они расползлись в разные стороны. За «столом» остались лишь двое – Эрвин и Дитер. Лицо последнего посещали то всплески протеста, то гримасы угодничества. Предводитель же делал вид, что раскольника не замечает. Покончив с обедом, принялся разматывать бобину с кольцами.

Глава 5

Зависший молох разоблачения умалил Остроухова – фигуру, по мнению близко ее знавших, былинную, нестигаемой воли и мужества. Спустя три дня после аварии «Боинга» сидевшего в своем кабинете шефа Первого управления КГБ было не узнать: серое изможденное лицо и зыбкость черт, передающая замшелую усталость. Прежде невозмутимый, непрístupный стоик, устанавливавший дистанцию одним внешним видом, усох, в своей тоске замариновался.

В какой-то момент Остроухов осмыслил, что последние три дня присутствует на работе скорее формально, отвечая на звонки лишь председателя и его замов. Свои же непосредственные обязанности он забросил, усугубляя и без того провальную ситуацию.

На столе генерала – стопка докладов, прием по которым был отменен. Поначалу они его раздражали, но, по мере накопления, стали просто бесить. Он то и дело чертыхался про себя: «Спокойно и умереть не дадут!»

В конце концов внутренний наждак притомился, благословив Остроухова засучить рукава.

Повинуясь хронологии поступления дел, генерал вытащил нижнюю папку. Автор доклада – подполковник Ефимов, ревизор управления по вопросам бюджета. Но от изучения реляции Остроухов воздержался, посчитав тему неприоритетной. Углубился в другие папки, корпел над каждой ровно столько, сколько того требовала оперативная обстановка. Вносил резолюции, растекался комментариями и незаметно для самого себя увлекся. Наконец добрался до отчета сектора Бенилюкса.

Бегло просмотрев оперативный обзор за последний квартал, генерал стал вчитываться в донесение резидента с пометкой «экстренно». Предмет не нов: вербовка испанского майора, сотрудника одного из отделов военной организации НАТО. Брюссельская резидентура добрых полгода разрабатывала ценный источник, согласовывая детали операции с Центром.

Генерал пробежал первые абзацы донесения. Остановился, оторвал локти от стола и откинулся на спинку кресла. Свежий ледок собранности пошел узором скепсиса, а несколько тяжелых вздохов и вовсе его растворили.

В последние годы, оправдывая свои раздутые штаты, разведслужбы обоих блоков развернули настоящую войну. В ней изначально не могло быть ни победителей, ни взятых бастионов, ни трофеев. Битва бушевала скорее для учебников по искусству разведки, не преследуя каких-либо очевидных политических целей. И называлась эта война «дезинформационной».

Ложные, многоступенчатые операции захватывали своими броуновскими вихрями. Но для чего конкретно – каков стратегический или, в худшем случае, тактический смысл этих пикировок – разведслужбы давно не отдавали себе отчета. Все бы ничего, если бы за потуги фальшивомонетчиков от разведки на Западе не расплачивался среднестатистический налогоплательщик, а в СССР – безликий, многострадальный народ, а, по сути дела, никто. Настолько бездарно все жили – от партийных бонз, зачастую боявшихся собственной тени, до домохозяек, решавших ежедневный ребус – как накормить семью.

Приступая к вербовке агента, чем-то спровоцировавшего внимание советской разведки, никто не брался за прогноз: под лупой алмаз-фальшивка или камень натуральный. На дезавуирование же подвоха порой уходили годы и какая-то толика достояния стремительно хиреющей страны.

В силу своей привлекательности легенда испанского майора смахивала на красочную сувенирную коробку. Но что в ней – трухлявое дупло «дезы», облицованное атласом, или животворный родник – чекисты разгадать не могли, сколько не ломали себе головы.

Внешне все выглядело как нельзя лучше. Годом ранее майор отправил своему двоюродному брату-ростовчанину письмо, где объявил о родстве, ничуть не покрывив душой при этом. Их отцы, родные братья, размежевались почти полвека назад. Старший, молодой офицер испанской армии, воевал на стороне франкистов, а младший, студент, дрался за Республику. Вследствие поражения левых последний перебрался в СССР, где вскорости женился на такой же, как и он, испанке-беженке.

Разминувшись на дороге жизни, братья отношения прервали и, прожив каждый свою жизнь, незадолго до означенных событий скончались.

Если верить письму, то новость о том, что в СССР у него обитает близкий родственник, просочилась к майору случайно – от одного из вернувшихся в Испанию репатриантов. То ли отец скрывали сей факт, то ли действительно не знал, куда брат подевался. Впрочем, неудивительно: гражданская война унесла тысячи пропавших без вести.

Письмо майора, написанное на подъеме родственных чувств, струило надежду на воссоединение, в основном, правда, духовное. При этом, явно не в строку, майор нарочито прошелся по режиму каудильо и, к полному удивлению цензоров, воскурил фимиам доблестным вооруженным силам СССР. В конце письма – просьба направить ответ их дальним родственникам в Перу, а те уж, дескать, переправят его майору. Поскольку дипотношений между СССР и Испанией в то время в полном объеме не существовало, а сам майор синекурил ни где-нибудь, а в штаб-квартире НАТО, то перуанский почтовый ящик представлялся разумным решением для переписки между Сциллой и Харибдой. Но осмотрительность майора не вязалась ни с критикой режима Франко, пусть одиозного и на тот момент почившего в Бозе, ни с симпатиями к тем, от кого должен был дистанцироваться хотя бы по должности.

Предположить, что Августо (имя майора) не ведал, что все письма из-за границы в СССР перлюстрируются, было сложно. Тогда, заключили разведчики, его эпистолярный, полный тенденциозных откровений почин – не что иное, как настрой поудить рыбку в мутных водах шпионажа, а не всплеск чувств к родственнику, случайно обнаруженному в далекой и загадочной России.

Было бы все хорошо, если бы не так печально... Аналогичные, безупречные по фактуре легенды десятками плодила и разведка страны, провозгласившей борьбу за мир новой религией.

Между тем дело на майора на Лубянке завели, присвоив ему гриф первостепенной важности. Вероятностью подставы чекисты решили пренебречь, здраво посчитав, что окончательную оценку вынесет время.

Так проблема перетекла в чисто практическое русло, прочертив первый перекресток: кто майор вообще – случайно прибившийся к берегу простофиля или же изворотливый, алчущий заработать на предательстве авантюрист? В последнем случае интерес к нему огромен, потому как он штатный сотрудник сердцевины Североатлантического альянса.

Обсосав тему со всех сторон, в Москве разработали довольно оригинальный, но, по сути, незамысловатый план. Для контакта с майором выбрали сотрудника, свободно, но с ужасным русским акцентом говорившего по-испански. Любой мало-мальски знакомый с европейскими языками, был обречен обратить на эту особенность внимание.

Испытывать «проносом» Августо решили в одном из филателистических магазинов Брюсселя, который тот, заядлый коллекционер, посещал. К тому времени наружка изучила распорядок дня испанца до мельчайших подробностей.

Услышав, что некий инкогнито заговорил с ним на родном языке, да еще не вполне понятном из-за скверной артикуляции, Августо поначалу струхнул. Ощувив настороженность, разведчик хотел было убраться подобру-поздорову – малейший признак облома налагал, по инструкции, немедленные «ноги». Но тут в глазах у майора вспыхнули желтые огоньки –

будто бы предвестник зарождающейся догадки. Вскоре испуг и недоумение растворила любезность, а в конце блиц-флирта на подмостках филателии – радушие.

Почти с места в карьер обкатка Августо переместилась в бары и иные зланные места, где, смачно проводя время, компания постепенно спланивалась. Через месяц между новоиспеченными друзьями заворковала трогательная доверительность, плавно переросшая в крепкую мужскую дружбу. Замешалась она на общем хобби и склонности Августо гульнуть на халяву.

В какой-то момент братания во хмелю Августо принялся многозначительно подмигивать и, оборачиваясь по сторонам, прикладывать палец к губам. Хотя его указательный палец упирался в плотоядный рот, а не смыкался в мягком трении с большим, через две недели приятель вручил Августо презент в виде марки, тянувшей на десять тысяч долларов. Цена в беседах уже закадычных друзей так и упомянута не была, но то, что она испанцу доподлинно известна, сомневаться не приходилось.

По получении презента стоимостью в двухкомнатную квартиру (не в самом, конечно, престижном районе его родной Сарагосы), у Августо прорезался приятный, отдающий елеем голосок, складно нашептавший о второстепенных секретах натовской текучки. Сделал это добровольно, никто его за язык не тянул. Те факты советской разведке были хорошо известны, но отличались предельной точностью.

Тут красноречие испанца почему-то померкло, и, позабыв о филателии, сплотившей приятелей поначалу, Августо все чаще сетовал на опостылевшую службу, между делом раздражаясь грезами пушистой жизни на широте «Лас-Вегас-Монте-Карло».

В какой-то момент булькающих желудочным соком эмпирей промелькнула и цена, за которую майор не прочь «сбить спесь с этих заносчивых американцев», не причиняя его родине вреда, ни-ни! Будто она кого-либо интересовала... Тема освещалась полунамеками, но лейтмотив не пробуждал сомнений: деньги на бочку, а шифры – как только, так сразу.

Мировой опыт добровольного предательства гласил: Августо принадлежит к редкой разновидности иуд – то ли патологических сквалыг, то ли круглых идиотов, ибо первая, не отягощенная заявкой на суть информация, предателем отпускается безвозмездно. Лишь скрупулезно изучив материал и дав оценку перспективности потока, разведка принимает решение, стоит привлекать информанта к сотрудничеству или нет, равно как оплатить услугу или выдать «сухой» счет. На чутких весах шпионажа опасения провала нередко перевешивают самый ценный улов.

Между тем психологи склонились к выводу, что переперченный меркантилизм испанца, отдающий наивностью и провинциализмом, – та самая гирька, которая перетягивает весы сомнений в его пользу, а не мина ЦРУ, подброшенная для очередного куража.

Если опустить техническую часть дела, во многом скучного и грешившего непомерным грузом деталей, то брюссельской резидентуре в конце концов удалось убедить Москву пойти на поводу у нахрапистого Августо. Взвесив все за и против, Остроухов выделил запрашиваемую сумму – пятьдесят тысяч долларов, но делиться уступкой не спешил. Должно быть, склонялся выждать еще немного. Сомнения далеко не рассеялись.

Однако ходу событий было так угодно, что в те же дни генерал принимает решение, круто меняющее его судьбу. Совершив один из дерзновеннейших проступков в истории системы, которой до недавних пор верою и правдою служил, из столпа режима он превращается в ее злейшего врага.

Всесильный и практически безнадзорный Остроухов в считанные недели перепрофилирует валютный бюджет Управления, изымая из него немалую по западным и астрономическую по совковым меркам сумму. Отнюдь не с целью прорыть лаз в Лэнгли, а дабы основать смелый экономический проект, который отечественным подпольным цеховикам и разного ранга несунам и не снился.

Как результат, финансирование десятков операций, проводимых Управлением в разных частях света, под самыми различными предложениями урезывается или замораживается. Становится на прикол и проект вербовки Августо. В Брюссель летит депеша: «Предложенная майором форма товарообмена неприемлема. Контакты прекратить, пусть поразмышляет на досуге».

Между тем пятьдесят тысяч долларов из бюджета Управления улетучились, ни к Августо, ни к его кураторам не поступив. Из авуаров разведки испарились и иные транши, которые, сложившись воедино, составили начальный капитал компании, не учтенной пока ни в одном национальном реестре.

Не дочитав донесение брюссельского резидента, Остроухов отложил его в сторону. Неприятно скривил губы, поморщился. Такое с ним, манекеном с цинковым сердцем, но ума дивной глубины, происходило редко и сугубо наедине. Grimас духа он никогда и ни перед кем не допускал, будь то руководство, подчиненные или даже родственники.

Генерал рассеяно поводит головой, точно ища подсказку, куда путь свой держать. Казалось, брюссельская депеша вновь выбила его из ритма созидания, едва обретенного после трехдневной апатии.

Донесение гласило: посольство СССР в Бельгии получило письмо, в котором некий назвавшийся «Филателистом» аноним, молил возобновить с ним контакт. Хотя послание и машинописное, в Брюсселе не сомневались, что автор реляции – склонный к авантюрам испанец, по большей мере почтово-эпистолярного толка. Следовательно, продолжал резидент, консервацию пора закруглять и приступить к «удюю», прежде, разумеется, вручив мзду, с учетом неврастеничного выпада, на треть облегченную...

Новый скачок в умонастроении генерала отпечатал осознание предсказуемого, но ужасающего в своей сути открытия. Остроухов в одночасье постиг, что через считанные месяцы ему придется отбиваться по меньшей мере от дюжины таких «Августо». Совсем скоро он оглохнет от воплей спасать операции, обесточенные его милостью. Голоса и темы будут разными, но стержень един: «краник» Центром перекрыт, а мотивы не просматриваются.

«Отлаженный механизм, давно и не мною запущенный, нельзя лишить инерции движения, – ежился всем нутром Остроухов. – Разведка, хоть и глубоко законспирирована, тривиально вплавлена в реальность, для которой любые казематы малы. Мой самоубийственный прожект где-то да всплывет, ведь ничтожных, готовых на любую подлость Августо более, чем достаточно – как среди разрабатываемых, так и в самом организме сыска. Как бы я не изгалялся, мою внешне неприступную башню развалит одна-единственная трещинка. Большого и не надо – конструкция такова. И никаких полгода для штопки дыр в бюджете у меня нет. Жадный клюв пернатых из семейства Августо проклевывает фатальную прореху гораздо раньше. За месяц управится».

Тут растревоженное нутро генерала обуял, обездвижив, животный страх: молох разоблачения не абстрактен, барражируя в плотных слоях атмосферы, а притаился рядом, в спину дыша.

Остроухов поспешно убрал руки со стола, словно остерегаясь о что-то пораниться или замараться. Воровато взглянул на папку подполковника Ефимова и... прикипел к ней взглядом. Осторожно вытащил правую руку. Будто хотел развернуть обложку, но не решился. Зато вскоре стал лихорадочно наводить на столе порядок: переместил в выдвижные ящики и частично на пол скопившиеся папки и документы. После чего натужно уселся, напоминая сдавливаемую пружину, и раскрыл последний оставшийся на столе доклад – ревизора управления по вопросам бюджета.

Казалось, его глаза не двигались. Но через секунд двадцать генерал резким движением перевернул верхний лист, а через схожие интервалы – еще несколько.

Остроухов вновь переменялся в лице, которое, округлившись, транслировало где неопределенность, а где страх перед неизвестностью. Но то внешне. Под спудом же – по условной кольцевой – носилась злоба, словно шайба, запущенная хоккеистом команды, оставшейся в меньшинстве. Порой подпрыгивала, приземляясь на брюхо или кант, но продолжала катить по окружности. В конце концов замерла у некоей подстанции-лотерии «Ставки – только жизнь».

Здесь лик генерала стряхнул слабину, возвращаясь к привычному выражению. Он вдруг вспомнил, как летом, удя рыбу на Клязьме, подцепил огромную щуку и тщился вытащить ее на берег. Адьютант подхватил рыбу сачком, и, казалось, этот пресноводный монстр обречен закончить свои дни на их холостяцкой вечеринке. Завертевшись, точно рвущий себя на куски пропеллер, щука разгрызла сетку и, исторгнув с частичкой плоти крючок, выскользнула в воду, оставив лишь блесну преклонения перед неистребимым зовом жизни.

«Перекусить узду, перегрызть!» – заскрипела генеральская душа и, казалось, тот запретельный, чуть ли не зоологический скрежет прозвучал наяву.

Остроухов резко повернулся, обращаясь к селектору. Чуть поводит глазами и нажал на кнопку соединения с Куницыным, своим заместителем и партнером по провалившемуся бизнес-проекту.

– Фигуранта нашли? – вбросил в эфир свой «скрежет» Остроухов.

– Ищем, – неуверенно ответил генерал-майор.

– Обсудить бы... – вдруг смягчил тональность Остроухов – с более чем недружелюбной на деловую.

Коль «заходи» не последовало, Куницыну стало ясно: разговор состоится вечером у Главного на даче.

Растопив на даче камин, Остроухов налил себе полфужера «Арарата» и одним заходом загнал терпкую жидкость в организм. Под ложечкой засосало, напомнив, что сегодня он только завтракал. Пообедать не получилось – так было муторно.

Подкрепившись шпротами и венгерским салями, он вновь налил себе, но пить не стал – обратился к захваченному с собой докладу Ефимова. Пробежал текст по диагонали, застрял на «Выводах». При этом то и дело откладывал папку в сторону, чтобы пригубить коньяк. Его точные, скупые движения подсказывали: равновесие к Остроухову вернулось.

Донесся шум подъехавшего автомобиля. Генерал встал на ноги и, казалось, дожидался чего-то. Впрямь вскоре раздались четыре явно не телефонных коротких звонка. Остроухов прошел к входной двери, где набрал на вмонтированном в наличник пульте несколько цифр. Прозвучал затяжной «бип».

Куницын застал Главного за сервировкой стола – этим милым, но совершенно не генеральским занятием. Буркнув заму «привет», Остроухов уселся. Стал протирать бокал, самого гостя, казалось, не замечая.

Куницын уставился на патрона – то ли в недоумении, то ли ожидая приглашения к столу.

Хозяин отбросил полотенце и, не поднимая глаз, отчитал:

– Чего не садишься?!

– Не приглашаешь...

– Мы не на службе, Леха... Или выпить душа не лежит?

– Выпьем – за что? – Куницын отодвинул стул.

– Ешь сначала, с работы ведь. Ах, да ладно... – Разлив коньяк, Главный звякнул по бокалу

Куницына.

Промочив горло, Остроухов начал водить ладонью по лицу, порой протирая глаза. Могло показаться, разыгрывает какую-то мудреную прелюдию к разговору.

Куницын, чуть гремя ножом и вилкой, почти не сводил с шефа глаз. Он знал его давно, причем приятельствуя, гораздо ближе других. Однако не мог припомнить и малой толики непо-

средственности, которая с момента его прихода выплеснулись за фасад этого грандиозного, матерого мужика, оказалось, не лишенного и задатков лицедея.

– Деньги, где возьмем? – спросил Куницын, потянувшись к салфетнице.

– Ответить сейчас?

– Смысл откладывать, Рем?

– Тему можно похерить, разумеется, на время... – почесался за ухом Главный.

– Ты никогда не темнил и обычно конкретен! – возмутился зам.

– Куда уж... – Остроухов достал с журнального столика папку, протянул ее гостю. – Почитай, а я разомнусь немного. На кухню схожу.

Главный отсутствовал минуты три-четыре. Когда же вернулся, то испытал синтез легкой растерянности и любопытства. Куницын исчез, притом что, не зная кода, покинуть дачу не мог. Захлопнув входную дверь, гость автоматически включил систему блокировки.

Остроухов обошел стол и направился к камину, который закрывало повернутое спинкой массивное кресло.

Оказалось, пропажа притаилась именно там, но являла собой скорее муляж, нежели человека. Правда, не восковой, а весьма прозрачный, при этом усушенный и утрушенный в размерах – по сравнению с оригиналом. У Куницына жили одни глаза, но не обыденно. В них пламенела, треща и раздаваясь, топка ужаса. Папка валялась на полу у ног, из нее торчали наполовину вывалившиеся листы.

Остроухов бесшумно приблизился и поднял папку. Задвинув листы внутрь, аккуратно примостил доклад на журнальном столике. После чего наполнил коньяком один из бокалов, стоявших там же, и протянул визави со словами:

– Взбодрись, от хандры проку нет.

Куницын даже не шелохнулся, казалось, прихваченный бетонным раствором шока.

– Выпей, тебе говорю! – гаркнул Остроухов.

Зам дернулся, после чего потянулся к фужеру. Стал крохотными глотками, словно через не могу, пить, при этом его веки непрерывно мигали. Не осилив порцию, он обвил фужер ладонями и этой формой закрыл лицо. Было неясно: он укрывается от некой враждебной силы или дрейфит, что Остроухов нальет еще.

Остроухов принес стул и уселся рядом. Налил и себе, опорожнив бутылку.

Тут Куницын немного склонился, одновременно перемещая ко лбу бокал, обвитый ладонями. Главный помотал головой, но промолчал.

Вскоре Остроухов услышал навязчивое повторение звуков – то ли «ал», то ли «нал», издаваемых визави. Вначале пытался вникнуть, что сие значит, но в конце концов сплюнул про себя. Впрочем, к месту: ничего нового, ему неизвестного, то бормотание приоткрыть не могло.

Как ни странно, в причудливой перекличке событий толмачом тех фонем мог выйти Шабтай. Минутами ранее, на другом конце света, в далекой, изнывающей от жары Ботсване, он столкнулся у двери Барбары с некой «трибуной», едва не сбившей его с ног. Перенесись он на эту дачу, его проворный ум, отталкиваясь от ассоциаций, вывел бы – «трибунал».

Но о Шабтае, гендиректоре их потерпевшего крах проекта из-за разбившегося в Ливии «Боинга», Остроухов вспоминал нечасто. Ведь компанию-банкрота, по обыкновению, ликвидируют, а от персонала – рано или поздно – избавляются. Пусть о них голову сушит Всевышний...

– Зароют нас, как собак, на пустыре. А у меня оба родителя живы, не перенесут... – донеслось со стороны кресла.

Остроухов медленно поднял голову, устремляя на Куницына затуманенный взгляд.

– Выпьешь еще? – предложил Главный, будто ничего не прозвучало.

– Все, что остается... – мрачно согласился Куницын.

– Принесу. – Остроухов отправился на кухню за «обновкой».

Коллеги освежились, но взгляд Главного снова завис, нагнетая загадку.

– Может, нырнем? – живо предложил Куницын, словно ему приоткрылось что-то.

– Куда? – удивился заядлый рыбак.

– В любое посольство...

Некоторое время хозяин поглаживал колени, казалось, приноравливаясь к услышанному. При этом предугадать его реакцию было непросто – будто определиться не спешит... В унисон невнятному лику Главный и откликнулся, отстраненно, из далека:

– Режим наш обречен, хотя знают об этом немногие... Мы с тобой да еще от силы сотня. За бугром уже десятки миллионов зеленых из советских закровов... Разворованы теми, кто, как и мы, знает, что Совдепия давно на химиотерапии. Пока страной правит Его Величество Бесхоз, тащи. Не то – обставят другие... Теперь, если смотреть здраво, заботиться о себе, семье, близких – естественная формула жизни. Наш проект тем самым в нее идеально вписывается... И, Бог свидетель, возник по причине «быть бы живу, а не с жиру», так сказать, перефразируя поговорку... Далее. Этот мир, упорно не умнеющий, – безнадежный гадюшник. Что у нас в нищей Совдепии, что на материке активного благоденствия. Но предавать могилы предков... – Генерал прервался, после чего вдруг выпалил: – Ни за что! Пусть давно я продал дьяволу душу, хотя бы по должности! Застрелюсь, скорее!

– Так что, Рем, с руками за спиной, в наручниках, под утро? – обронил в испуге Куницын.

– Нам нужен Витька, – замкнул короткую паузу Остроухов.

– О ком ты, кто-то из агентуры? Не догоняю...

– Витька, твой Витька, – уточнил Остроухов.

Физиономия Куницына вытянулась. Казалось, он вот-вот вскочит на ноги.

– Рем, для чего?!

– Думал, дошло, в какой мы заднице? – Остроухов указал на лежащую на журнальном столике папку. – Не уберем Ефимова – настучит. Сделать это может в любой момент, не дожидаясь моего отклика.

– Деньги-то можно достать, покрыв недостачу! На контору Патолочева у нас столько, в глазах рябит! Прижмем – раскошелятся! Да и по другим – с походом: в Москве десятки валютных миллионеров! Хоть клуб открывай! – запальчиво протараторил заместитель.

– Леша, разворошить навоз – без вони не бывает! – Хозяин выразительно подался вперед. – Все ссыкуны, искривленные системой. Ты им: «Давай делись, не то – Руденко». Ответят: «О чем ты, Рем?» И пошло поехало – месяца на два-три невнятности. И по целому вороху причин – без гарантии на успех: технических, номенклатурных, обычных шкурных... У нас этих ме-ся-цев нет, после того как ревизор сел на хвост! Не говоря уже о том, что через месяц-другой резидентуры взбунтоваться могут...

– Рем, в Управлении столько мочил! – взмолился Куницын.

– Запомни, у нас есть только Витька! Лишь та любовь, что между вами, сулит успех и то – не на сто процентов... – провел демаркацию Главный.

– Пацана не отдам, не заикайся даже! – отбивался Куницын. – Салажонок ведь! Не то что пороха – бабы не нюхал! Да и чему их там, в разведшколе, учат? Языкам да Western mode of life!

* А тут завалить... Не врага, а своего! Вмиг рассечет: папаша, иуда, ссучился! Молится же на меня!

– Сын твой в спецгруппе, мне ли не знать, – бесстрастно заметил хозяин. Подумав, стал расставлять акценты: – Врать нехорошо, особенно в твоём положении. Лучше выметайся из своего психоза, трезвей, Леха, трезвей! Да, кстати! Когда нас троих с начфином заметут, Витька твой, кадровый сотрудник КГБ, тоже сядет, максимум через неделю. И полгода промытарят – за просто так...

– Подожди, а наши инъекции? – нашелся Куницын. – Укол в толпе – и необратимый распад психики. Сделаю сам... – опустошенно подытожил генерал-майор.

– Во-первых, действие этих инъекций пятьдесят на пятьдесят. Тебе не хуже моего это известно, – вскрывал технологические изъяны идеи Остроухов. – Именно потому мы ими почти не пользуемся. Во-вторых, заказывать препарат без запротоколированного мероприятия – немалый риск. В-третьих, если химия все-таки сработает, Андропов неизбежно задастся вопросом: а с чего это офицер КГБ, кандидат экономических наук, владеющий тремя языками, вдруг в олигофрена превратился? Заметь, не в шизофреника, а олигофрена. Не много не мало – с задержкой в сорок лет. Столько ему, по-моему...

– Как быть, Рем? – прервал шефа Куницын.

– Все должно выглядеть как уличная преступность... – начал прорисовывать свою технологию Главный. – Хотя и здесь не избежать скрупулезного расследования... Убит подполковник Первого управления – просеют и прополют с тройным энтузиазмом!

– Уличная – это как? – стал вникать в технологию Куницын.

– Когда кирпичом по башке, а в организме жертвы пол-литра водки. Кстати, доклады-вали: Ефимов не дурак выпить. Когда в одиночку, а когда с подругой по выходным. Но, к превеликому сожалению, нелюдим, кроме метелки ни с кем дружбы не водит. Из дому – ни ногой, ни в кино, ни на футбол. На досуге в основном читает. Недавно контрразведчики прослушивали и пасли его, по графику, в плановом порядке. За два месяца в его квартиру не вошла живая душа. Причем, даже навещая подругу, ночевать возвращается к себе. По всему выходит: «топить» его нужно у дома, хотя, ох, как это не с руки! – Заметив мелькнувшее во взоре Куницына недоумение, Остроухов пояснил: – На нас косвенно выводит...

Нечто прикинув в уме, Главный продолжил:

– Операцию разрабатывать тебе, Леха, наставлять не буду. В прошлом ты опер, отличный причем. Как Витьку подрядить... надеюсь, ключ подберешь. Отец ты или кто? Думаю, напрашивается байка про оговор, приправленная чем-то острым. Дескать, маху кто-то дал, а валят на тебя, подводя под трибунал. Но гляди в оба! Может сдать – сырой ведь. В голове штампы одни... Времени тебе три дня. План набросаешь – дай знать, обсудим... Ликвидировать только по моей команде!

– Не улавливаю я что-то: это приказ или императив? – перебил шефа Куницын, вдруг сменив лик крайней растерянности на надменно-независимый. Приосанившись, конкретизировал: – Насколько уместен приказ в той пересортице, где мы?

Главный встал и, подойдя к окну, облокотился о подоконник, принимая разухабистую позу. Глядя куда-то вверх Куницына, с легкой издевкой в голосе произнес:

– На всех документах лишь твоя подпись, Лёха, ну и, естественно, начфина... А протоколов заседаний мы не вели... Да и не угадать порой, кто враг, а кто союзник...

Куницын метнул на патрона колючий взгляд, но, натолкнувшись на невозмутимый фасад, стусевался.

– Езжай, генерал, поздно уже... – Остроухов двинулся к парадной двери, чтобы разблокировать выход.

Глава 6

Шабтай катил по центральной улице Габороне, зачехлив все свои амбиции, кроме одной – никогда «не просыхающего» плотского зуда. При этом в эпицентре его ощущений гнездилась пробка шампанского. Но предвкушения праздника он не испытывал, полагая, что пробка – он сам, и ее вот-вот, скovyрнув, вышвырнут. Нарочито отстранившись, Барбара смотрела в боковое окно.

Никогда не перебиравший горячительного и не знавший похмелья Шабтай хандрил совершенно зря – от выпитого на вечеринке спутницу тошнило. Барбаре было не то чтобы не до ухажера, ей было не до себя, а вернее, подмывало от этого «себя» освободиться.

– Туалет... – с трудом вымолвила Барбара, едва сдерживая рвотный рефлекс.

– Что? – тускло откликнулся Шабтай, поворачиваясь к спутнице.

– Останови! – прозвенел фальцет.

Водитель устремил ногу к педали тормоза, но, едва соприкоснувшись с ней, останавливаться передумал. Ближайший туалет – в его гостинице, уже возникшей в поле зрения.

– Секунду, кохана!

Шабтай провел Барбару к общему клозету своего этажа и заторопился в номер. Постель-то не прибрана, да и общий марафет не помешал бы. На гостей не рассчитывал, randevу-то представлялось выездным.

Его приятно пощекотала мысль: маловероятно, чтобы таких форм зазноба когда-либо пересекала границы Ботсваны, а порог задрипанной «Блэк Даемонд» – тем паче.

Прибравшись, Шабтай придирчиво осмотрел убогий интерьер, но, не найдя в нем ничего нового, хоть как-то вдохновляющего, с кислой миной уселся, повернув стул ко входу. При этом дверь распахнута настежь – ведь координат номера, в силу внезапного конфуза, он сообщить не успел.

Шабтай скрестил руки на груди, затем оперся ими о сиденье. В конце концов безвольно бросил их на колени – лишь бы не проглядывал вызов или нечто, что может быть расценено как фривольность. Прислушался, другого занятия на ближайшие минуты не предвиделось.

На первом этаже зашаркал метрдотель, должно быть, возвращался в администраторскую после технического перерыва. Когда они с Барбарой проходили через лобби, за стойкой его не было.

Иные признаки жизни не замечались, что, впрочем, неудивительно: в свои лучшие дни гостиница заселялась на треть, а в последнее время – практически пустовала.

Шабтай вдруг подумал: «Лишь женщине дано так растворяться в материи дня своей ненавязчивой, кроткой природой».

Тут донеслись звуки льющейся в туалете воды, приятно увлажнившие душу. Тотчас зазвенели озорные колокольчики, возвещавшие близость услады. Пронеслась в лопатках дрожь, застучал насос, гулко, призывно. Номер заполняли видения, пока смутные, неочевидные, но к ним так влекло всем взбудораженным телом.

Понемногу резкость усилилась, придавая миражам предметность: мелькнул кремовый шарфик, но не летучим змеем свободы, а скомканным тампоном, переброшенным из кармана в карман. Надвинулась женская грудь, очерченная промокшей блузкой. Подмывало то слиться с ней, распахнув полы, то раздобыть обновку.

Не дав опомниться, вокруг замелькали десятки женских глаз. Разные: доверчивые, лживые, одухотворенные и безучастные. Перемешиваясь, как в калейдоскопе, восхищались, рыдали, ненавидели. Шабтай завертел, оторвал от поверхности.

Приземлился он в родительском доме родного Ковно, за окнами которого хлестал, казалось, бесконечный дождь. Вспомнил, как вскочил посреди ночи, впопыхах оделся и вылетел из квартиры, крича матери «Не плачь!» Посулив таксисту «два счетчика», понесся в пригород. Воссоздалось, как бешено молотили дворники в такт его рвущемуся наружу сердцу, как, не дожидаясь сдачи, выскочил из авто, по щиколотки оказавшись в воде, как замер у дома Регины, женщины-мечты, и прильнул к штакетнику лицом. Как бросилась к забору собака, и он пустился прочь – к дому напротив, как залаяла дворняга и там и как к всполошенному дуэту присоединились четвероногие всей округи, и в окнах стал зажигаться свет, как примостился за деревом рядом и ждал, не совсем понимая чего, как вышел во двор Мотке, муж Регины и его друг, и, посветив фонарем и лысиной, вернулся в дом обратно, как на секунду приоткрылась занавеска и мелькнули милые сердцу овал и льняная копна волос, как всеми клетками зазнобило и как в горячечном бреде прошел весь путь пешком обратно («моторы» не ходили), вопя в душе, а порой и вслух: «Отдашь ее, отдашь!»

По щекам все еще хлестал балтийский дождь, когда, подняв глаза, он увидел, что у входа стоит Барбара, будто в растерянности. Обозначилась застенчивая улыбка, прозвучал робкий стук в наличник. Пассия прислонилась к дверной коробке и мельком осмотрела номер.

Шабтай глядел на Барбару, приклеившись к стулу, не в силах пошевелиться. Припухлостей от возлияния и рыданий – как не бывало, а о былой неприступности напоминал лишь крутой лоб.

Без всякой позы или игры Барбара взирала на Шабтая как человек, обретший полную гармонию с миром, позабыв, хотя бы на время, о заскорузлом коде его условностей. Взгляд струил умиротворенность и какую-то первозданную доброту. Казалось, эта женщина явилась в этот день, чтобы кого-то осчастливить или одарить светлячком, который очень долго, возможно, всю жизнь, будет блуждать в каньоне разума, очерчивая вечный, хоть и непреодолимый маршрут к звездам.

Какие-то молоточки уже всюду стучали внутри, вызывая к действию, но Шабтай все смотрел и смотрел на ее похорошевшее, освеженное от следов возлияния лицо, где трогательно выделялась мокрая прядь волос, и безотчетно млел.

С той же непринужденностью, с которой пассия явила себя у входа, не дождавшись приглашения, прошла к кровати. Поправив юбку, скромно приземлилась на кромку – другого места усесться в комнате не было.

Между тем вскоре некоторой непоседливостью стала транслировать: зачем я здесь – играть в молчанку?

Величие женщины в том, что Творцом ей даровано архиважное для человеческого общения свойство – непосредственность, чем не могут похвастаться большинство мужчин, создания глубоко закомплексованные. Для красоток эта закономерность уместна лишь отчасти, но все же не настолько, чтобы их отпачковать.

– Наверное, ты не рад мне... Или от моих друзей оттаять не можешь? – поддела разговор Барбара.

– Да нет же! – прорвало Шабтая наконец.

– Заговорил...

– Ты словно тайфун из прошлого! – призвал пафос ухажер.

– Ого! – изумилась пассия.

– Напомнила куплет из красивой песни! – следовал по тропинке метафор Шабтай, давно протоптанной...

– Веселый или грустный? – выиграло любопытство.

– И то и другое...

– А я лучше или хуже?

– Конечно, лучше!

– Хм... и где же это было?

– В Ковно, Литва.

– Тогда... ты из Звёндзак Радецки!* Ах, вот откуда твой польский – Литва, значит.* Русских я здесь, правда, не встречала... – Барбара задумалась.

– Есть немного, в посольстве.

– Ты из посольства?

– Я из Израиля, эмигрировал туда из Литвы... – пряча глаза, робко молвил Шабтай.

Барбара, точно в раздражении, поерзала на кровати. Приладив прическу, как бы про себя заговорила:

– Надо же... А хотя... в девятом классе у нас треть учеников как корова языком слизала – и все в Израиль.

– Языком... Гомулка* слизал, – хмыкнул Шабтай.

– Получается, ты жид,* – обыденно констатировала Барбара.

– Самый что ни на есть настоящий. Разочарована? – Щека Шабтая чуть вздрогнула.

Пассия изящно повела плечами, должно быть, так настраиваясь на ответ.

– Я с Ициком за одной партой сидела, круглый отличник, умница... Списывать всегда давал, влюблен был, наверное... Слух был: на войне погиб, в семьдесят четвертом или в семьдесят пятом. Не помню уже...

– В семьдесят третьем, если на войне, – уточнил Шабтай.

– А чем ты занимаешься? – полюбопытствовала гостя, вдруг оживившись.

– Бизнес... – неопределенно ответствовал ухажер.

– Всегда казалось, что бизнесмен – мужчина в возрасте. Правда, в Польше частники лишь в кафе да киосках... – делилась пассия, разом нечто прикидывая в уме.

– Дело не в возрасте.

– А в чем?

– В степени риска, на который готов пойти. Да и талант – дело не лишнее... – раскрывал секреты частной инициативы Шабтай. Казалось, несколько опрометчиво...

– Давно в Израиле? – прощупывала анкету ухажера Барбара.

– С семьдесят первого, хотя, кажется, только вчера с трапа сошел... – с грустью признался Шабтай.

– Не понимаю... – озадачилась полька. – Ботсвана, тут же каменный век. На чем деньги делать? Мы-то здесь по контракту, братская помощь, так сказать. Бескорыстно!

– Бескорыстно? За валюту, твердую причем. Только поляки и венгры дешевле англичан и даже португальцев, а работают не хуже. Скорее даже лучше – каждый из вас за свое место дрожит. Где еще за год на машину скопить! Бескорыстно... дурят вас, – открыл ликбез социологии Шабтай.

– Похоже, ты и впрямь не промах, только дела начальства мне побоку. Да, все хотела спросить: пан Зденек тебе зачем?

– Дружим.

– Дружишь? Босс ведь старше тебя почти вдвое. Что у вас общего, не пойму? Мы строго следуем контракту, отчитываясь за каждый гвоздь. Социализм и предпринимательство – как собака с кошкой. Вы же со Зденеком, точно заговорщики: запираетесь, шепчетесь. Причем ежедневно и почему-то по-русски. Откуда только Зденек русский знает?

– Твой нос для того, чтобы его целовали мужчины, – оборвал пассию Шабтай.

Барбара замерла. Капельки пота, проступившие на лице от жары, вдруг укрупнились и застыли уродливым, горчичным отливом.

Последующий нырок фабулы, начавшей навевать зевоту, – когда наконец! – изумил бы самого Фрейда, разукрасившего мироздание флажками либидо. И, не исключено, подвинул бы

к сочинению трактата «Ролевая оплошность – случайная или преднамеренная – взрыватель условностей полового этикета».

Словно в безумии, с устремленными к потолку руками – то ли в ужасе от нечаянно попранного табу, то ли в эротическом танце-ритуале пращуров, недорисованном на скалах из-за избытка чувств, оттого не дошедшего до потомков, Шабтай бросился к Барбаре и, распластавшись на коленях, стал покрывать как прокаженный ее ноги поцелуями. Прерывался лишь на хриплое: «Сорвалось, прости!»

Тут хитрющий чертик с характерной горбинкой на носу выглянул из-за шкафа и, указав на Шабтая, оскалится. Но, на что намекал, одному Богу известно.

Барбара смотрела на мечущуюся голову воздыхателя как на швейную машинку, работающую по раз и навсегда заведенному маршруту, и, казалось, пассивно ждала то ли конца катушки, то ли перебоя электроэнергии. Не дождавшись ни того, ни другого, подняла руку и в некоем вялом, едва зарождающемся любопытстве прикоснулась к густой шевелюре Шабтая, но почти тут же убрала.

Ковровые лобызания пошли на убыль, и, будто зацеловав свою вину, Шабтай направил голову к изгибу бедра пассивности и воровато замер там. Касался, правда, едва – ухом, румянившимся, должно быть, не одоленным комплексом вины, а может, вследствие резкого скачка давления, рванувшего из недр.

Тем временем взор Шабтая устремился в давно немытое окно. Ни колики вины, ни лики влюбленности в том взгляде не просматривались. А прочитывалась хватка ловкого от природы мужика, преодолевшего сложный порог и спокойно обдумывающего, куда плыть дальше.

Лицезри эту метаморфозу дедушка Фрейд, то преклонился бы перед Шабтаем, умоляя принять под крыло свою обширную практику. Подкупив лаврами, удалился бы в кабинетную тишину, дабы до последнего вздоха перекраивать свое ушастье, теряющееся в космосе бытия учение.

Лицо Барбары покрылось вуалью грусти и в некоторой мере – опустошения. Сбросив босоножки, она медленно улеглась на кровати.

Потеряв точку опоры, Шабтай чуть завис, но вскоре его затылок, сноровисто нырнув, утоп в молочно-дыневом раю, принявшем его, быть может, от утомления, но скорее, из сострадания, материнского в своей сути.

Вечер, перекинувшийся из мазанки в «Блэк Даемонд», прогибался под грузом откровений, где трэфных, а где – эмоционально затратных. Неудивительно, что, соприкоснувшись и одарив друг друга энергией тепла, то бишь горчичником всего земного, Барбару и Шабтая подхватило течение Морфея. Барбара уснула, подложив под голову ладони, а ухажер – сидя на полу, под кроной все еще не сорванных, но столь бередивших его естество плодов.

Шабтай спал не долго, если спал вообще. Пообвыкнув к бахчевым вкусностям, чуть заерзал. Его стали досаждают какие-то дужки и оторочки, куда упирался затылок. Но куда больше его раздражала участь прыщавого пацана, которого до поры до времени не шлепают по рукам, снисходительно позволяя за что-то подержаться...

Шабтай бесшумно встал и с мягкостью пумы запрыгнул в кровать, где по логике действия им давно бы начать кувыркаться. Склонился над лицом возлюбленной, бережно убрав с уха волосы и ласково зашептал, но так тихо, что слов было не разобрать.

Насупленное лицо Барбары просветлело, быть может, в силу удобоваримости темы, но скорее, от мастерства сказа. Красавица-полька заулыбалась едва различимым движением губ, но глаз не открыла.

Шабтай продолжал услаждать Барбару шелестом связок. В какой-то момент уже напоминал суфлера, обслуживающего сцену признания в любви.

– Говори по-русски, все-таки родной... – прошептала Барбара, излучая волнение, нежное, в перламутре.

Уста ухажера застыли в паузе недосказанного.

– Мне нравится тебя слушать. Язык не важен... И так вставляешь много русских слов, —мурлыкала полька.

Шабтай чуть отпрянул, наверное, осмысливая сказанное.

– Так со мной никто не говорил... – отдавала должное «суфлеру» Барбара.

– Как, кохана? – живо откликнулся ухажер.

– Ты умный, нежный, новый для меня человек. Обними...

Шабтай красивым мужским движением развернул Барбару и прижал к себе. Его мозг бесстрастно фиксировал, как женщина, по которой многие сходят с ума, не решаясь обратиться, податливо перевернулась и обвила его руками. Подумал: «И побрякушки не понадобилось...»

– Мы, словно звери, не моемся, – жарким шепотом обдала Барбара, когда Шабтай свалился на спину в какой-то очередной, слепивший огнями нирваны раз.

Ответили легкие, работавшие на пределе.

Чуть погода, отдышавшись, Шабтай повернулся к возлюбленной и чувственно провел ладонью по ее лицу. На излете движения Барбара поцеловала одну из фаланг, и ее полные неги глаза затуманились вовсе.

Барбара, понятное дело, не знала, что коммуникабельный от природы Шабтай немеет на алькове. И та ласка, в своей сути, безотчетный призыв не «марать» его умонастроение.

Затем его ладонь, совершив полукруг, изысканным движением замяла сосок пассива.

Барбара чуть вскрикнула и, обездвигив руку Шабтая, резко повернулась. Пристально взглянув, схватила ухажера за космы и вдавила его голову в подушку.

– Откуда ты взялся такой, мордатый, но нежный!

Шабтай попробовал вырваться, но только скривился от боли.

Говорят, постель всеядна, лишь бы приняла обоих. Когда да, а когда – то, что вышло...

– Знаешь, ты вылитый Аль Пачино. Только он милаша, а ты урод! Сладкий, правда, до костра в животе... – перешла на личности, а может, к разбору полетов Барбара. Ко времени – светало.

– Отпусти, кохана, ээ...

– Говори откуда, а то вырву! – наседала пассива.

– Из Ко-в-но, сказал тебе...

– Все, что шептал мне, правда?

– Правда.

– Не врешь, купишь мне «Феррари»?

– Куплю.

– И замок в Ницце?

– И замок.

– Там-то был хоть раз?

– Был, конечно! – заверил Шабтай, притом что к жизни знаменитых и богатых причащался там же, где и Барбара, – в бульварных журналах и кино.

– Тогда... свози меня в Кейптаун.

– Куда?! – И без того выпученные глаза ухажера едва не выскочили из орбит.

– Будто глухой!

– Но... у Польши нет дипотношений с ЮАР! Да и паспорта по приезде у вас изымают, возвращая лишь на вылет домой, – отбивался Шабтай.

– Точно не дурак! Коль так, придумай! – отпустив гриву, Барбара, скользнула по груди партнера затвердевшими сосками... – Да и наши наведывались, был слух.

Лицо Шабтая, еще недавно нержно-розовое, точно из парилки, покрылось вереском оторопи, но не надолго. В последующую минуту он то с озорством посматривал вниз, рассматри-

вая вздыбившийся шлагбаум неудобства, то закатывал глаза к потолку, думая, как этот шлагбаум преодолеть, а заодно и все другие...

Тем временем где-то на периферии его сознания постукивало: нелегально пересечь границу и не абы какую – страны на полувоенном положении – даже не риск, безумие! Пусть охраняется она лишь отчасти...

– Ну, хорошо, – замкнул паузу Шабтай, – а как с этим? Бросил к паху быстрый, недвусмысленный взгляд.

– Под душ, кот мой мартовский! Не поможет – приложи кубики из морозилки. И потопливайся – в понедельник мне на работу!

Наскоро ополоснувшись и пропустив в душ Барбару, Шабтай стал мерить комнату шагами, из конца в конец. Время от времени он замирал у шкафа – открывал мерзко скрипящую дверцу, но тут же захлопывал. Казалось, в этой рухляди припрятан секрет, как без паспорта свозить в ЮАР возлюбленную, реализовав тем самым сокровенную мечту: заполучить Барбару в спутницы жизни. Пусть на год-два, но – более чем вероятно – следствия и суда, юаровского, а может, и ботсвано-польского...

Наконец Шабтай поменял маршрут и устремился в угол комнаты – к покоящемуся на полу чемодану. Раскрыл, вытащил из потайного кармана паспорт и придирчиво его изучал. Казалось, ломал голову, как внести туда Барбару, лет как десять перешагнувшую рубеж современности...

На самом деле Шабтай незаполненных разделов в паспорте не искал. Как каждый дисциплинированный, хорошо организованный индивид накануне путешествия проверял наличие и исправность документов.

«Отважусь я на переход границы или нет, – тем временем размышлял Шабтай, – в ближайшие дни мне по любому двигать в Йоханнесбург. После крушения „Боинга“ мой проект лишился главного – ступени, производящей запуск корабля. В силу сбоя инфраструктуры тому суждено либо заржаветь до полного забвения, либо пройти консервацию до лучших времен. Так что привал в родных палестинах – самое разумное решение».

Чуть позже, взвесив все «за» и «против», Шабтай определился: ни в какой Кейптаун с Барбарой он не поедет – огромный риск предприятия не оправдывал любые дивиденды. Он слыл одаренным и, что немаловажно, аттестованным бойцом скрытых от общественного ока изысканий и, по определению, в откровенную авантюру вляпаться не мог. Даже ради Барбары, женщины-сна, способной подвигнуть на безрассудные поступки и замшелого циника.

Искать контрабандистов, специализирующихся на переправке нелегальных иммигрантов, в его расчеты не входило, другого же реального варианта Шабтай не видел. Доподлинно знал, что многие контрабандисты – перевертыши, нередко сдающие властям своих клиентов, в зависимости от конъюнктуры рынка или на заказ. Да и клиентура местных – чернокожие аборигены, они же с Барбарой – белые...

«Только доверься им, казенный дом, можно сказать, прописан. И несложно предположить, каково мотать срок в Африке, – продолжал мусолить вводную пассивы Шабтай. – Да и каприз Барбары, не исключено, хитроумный трюк от меня отделаться, навязывая неразрешимое. Нашептывал-де о кругосветках и золотых краниках в гальянах, но даже на «юга» свозить кишка тонка! От ворот поворот, легко и просто. А хотя... слишком мудрено и для извечного женского коварства. Может, банальное верхоглядство молодости или неизбывная вера в силу женских чар, присущая всем зазнобам? Тоже не похоже... Хотя бы потому, что в Польше без паспорта и книгу в библиотеке не получишь, ей же приспичило в страну, раздираемую национальной рознью, где на каждом шагу блокпосты. Неужели так глупа? Но, скорее всего, по иному... Пусть Польша не Союз, цитадель воинствующего изоляционизма, где, захоти увидеть мир, дожидайся ближайшего выпуска «Клуба кинопутешествий», многое ли Барбаре

довелось изведать в ее годы? Если по максимуму, то очереди на таможенных соцстран, унижительные досмотры и Злата Прага мельком за окнами автобуса. А по факту: унылую череду месяцев и лет, разнящихся лишь мерой опустения полок в магазинах, напористостью лжи властей и превращением «Выборовой» в единственную достопримечательность страны. Да и говорила: «Накопить денег и хворобы в Африке – предел мечтаний». Ладно, от Габороне до границы рукой подать. Доехав, займу очередь на проверку. Затем выйду – якобы согласовать проезд – и, вернувшись, «обрадую»: «На КПП двойной контроль. Чуть ли не каждого к проктологу. Видать, случилось что-то. Обещали в следующий раз».

Тут Шабтай запнулся и застыл на размякших в глинозем ногах. Опираясь о спинку кровати, медленно опустился на матрас.

Ощувив зуботычину немотивированного страха, Шабтай обмер, после чего мелко затрусил в прошлое, но недалекое – четырехмесячной давности.

Он вновь, словно воочию, увидел восточно-берлинского контроллера на КПП «Чарли», открывшего его израильский паспорт и тотчас рывкнувшего «Выходи!», вздрогнул от холода наручников, надетых лишь за то, что виза в ГДР отсутствовала, скукожился от сыпи, которую разлил по коже лай немецких овчарок, как предвестие беды, впитанное его народом с кровью, позеленел от бабского отчаяния, прихватывающего в одиночке, куда был мгновенно препровожден, вспомнил многочасовой допрос и колкости дознавателей на его идиш, перелицованный по ходу дела в корявый Deutsch, как твердил дознавателям, не переставая: «Должны встретить» – «Кто?» – «Они» – «Кто они?» – «Те, кто должны», как корил себя, скрипя зубами: «На что рассчитывал: с дубьем этим на Wall street?», как спустя сутки по финской тройке и простоватому прищурю вычислил того, кто «должен был», как бросил на «того» остервененный взгляд, дескать, «Вытаскивай – надоело!», как обезличенно «тот» взглянул в ответ, заставив усомниться – «Он ли?», как, подустав от шаблона слога и столярки лиц и тел, выпалил бошам: «Зови!» – «Кого?» – «Консула!» – «Какого?» «Голландского»* и как дождался наконец: «Не Кнессет здесь, служивый» – от «того», на лишь им двоим понятном языке.

Вскоре, отобрав одежду и заставив переодеться во все новое, гедеэровцы выставили Шабтая из КПП вон, не сделав даже в паспорте отметку.

«Тот» стоял у входа и, судя по олимпийскому спокойствию, терпеливо его дождался. По-своему махнул рукой, приглашая в стоявший рядом «Трабант». После чего битый час возил по задворкам Восточного Берлина, то ли проверяя наличие хвоста, то ли испытывая психику попутчика на прочность.

– Что-то не так? – обратился «помилованный», притомившись от путешествия в подзабытый мир, за сутки вывернувший внутренности наизнанку.

«Тот» переключил ближний свет на дальний, продолжая торить лишь ему ведомую колею.

– Я в чем-то прокололся? – забеспокоился пассажир.

– Вроде нет... – бесстрастно буркнул «тот» после паузы, показавшейся Шабтаю злоеющей.

Шабтай промолчал – психодробильная невнятица его вконец одолела.

– Чего молчишь? Бизнес-план готов? – спустя минуту заявил наконец о себе «гид».

– Давно отправил, не получили?! – дался диву «экскурсант».

– Тот не пойдет, другой нужен, без Совмина... – сообщил, сама загадка, «тот».

Тут и без того взмыленного Шабтая огрел плетью невидимый кучер.

Набив за восемь лет на Западе шишек как всякая приبلудившаяся дворняга без «паспорта и титулов», но в итоге нащупав золотую жилу (пусть в богом забытой Африке), Шабтай в очередной раз умылся юшкой собственного честолюбия – банки, словно сговорившись, отказывали в кредите. Не обрел он и компаньонов, притом что не питал иллюзий: увести у голландца перспективную разработку – повседневность бизнеса. В какой-то момент, отчаявшись,

Шабтай готов был все бросить и рвануть, скажем, в Новую Зеландию – страну с круглогодичным «плюс двадцать», размеренно возводящую коммунизм для тех, кому не по душе надрываться.

Между тем на этом перепутье его посещает прямо таки чумная идея: взять в компаньоны некоего робота, успешно производящего один-единственный продукт – энергию, но не электрическую, а энергию противостояния. В первую очередь, самому себе, а за компанию – остальному миру. Страшно даже подумать кого – правительство СССР, этого заклятого врага частной инициативы и капитала.

Пусть сам Копперфильд расценил бы инициативу как крик отчаяния, ей все же нельзя отказать в смелом, не лишенном оснований прогнозе. За последнюю декаду (1970—1980) экстенсивно развивающийся СССР, смело раздвинув границы СЭВ, ринулся на экономические просторы Африки и Азии. Двигали молодого, хоть и неповоротливого игрока отнюдь не одни геополитические интересы, а чистоган, прикрываемый ходульными лозунгами: «братская помощь», «преодоление вековой отсталости». За считанные годы карта мира запестрела промышленными начинаниями, реализуемыми СССР в развивающихся странах. Как итог, от «братской помощи» в Москву потекли миллиардные номиналы, множившие, наряду с выручкой от «трубы» и «пилы», валютный бюджет империи, казавшейся на тот момент нерушимой.

«Раз Советы, работая на подряде, отхватили у Запада целый сектор мирового экономического пространства, что им мешает перейти к капиталовложениям в частные, неправительственные проекты?» – в какой-то момент своих розысков сформулировал смелую гипотезу Шабтай.

Находясь с этим монстром в некоей щекотливой связи, пусть поддерживаемой нерегулярно, а порой лишь Богу известно зачем, Шабтай отважился на контакт. Хватило и двух машинописных листов, чтобы обрисовать идею, приправив ее убедительными цифрами и трескучими штампами в духе «экономика должна быть экономной», как-то сохранившимися в его замутненной корыстью голове.

Адресовав свою реляцию ведомству, где числился за штатом (пескарь, но, глядишь, и в стерлядь сподобится), Шабтай опцию русских «подъемных» задвинул в дальний ящик прогнозов. Душою был сух и прожектерством не отличался. Да и парнем слыл основательным: действуя путем исключения, вернулся к отправлению ритуала «любит – не любит».

Когда из Москвы на перекладных прискакал ответ «Представьте бизнес-план», Шабтай чуть было не снесся с Институтом эталона времени, в страхе, что проспал миллениум, а то и два. Физиономией смахивал на не опохмелившегося инструктора райкома КПСС, столкнувшегося лоб лоб с Ричардом Никсоном в поселке Верхние Напоруки (Магаданской) – хоть до, а хоть и после пресловутого импичмента.

Переданная же чуть позже директива – прибыть в Восточный Берлин для консультаций – его и вовсе добила. Не вырисовывалось хоть плачь: почему местом контакта выбрана ГДР, страна, где любой израильтянин персона нон грата, а не, скажем, сонная Женева, куда мог попасть совершенно легально? Но в азарте схватки за свое детище, спасенное всемогущим дядей за секунду до сдачи на склад добротных, но нереализованных идей, все сомнения отmel в сторону. Настолько, в его глазах, был высок авторитет «дяди» в начинаниях, которые тот брал в разработку.

Когда же Шабтай услышал от «того» «Другой нужен (план) ... без Совмина», изначальные сомнения и необъяснимый «отстой» в гедеэровском КПЗ (разве что напомнить «кто есть кто»), соединившись воедино, толкнули его в клоповник недобрых предчувствий, неотступно множившихся...

Проговорив всю ночь об экономических деталях проекта, так и не представившийся «тот» вернул Шабтая к исходной точке его блиц-визита – в навеки врезавшийся в память КПП.

– В успехе уверен? – уточнял аноним, провожая Шабтая к автомобилю.

– Абсолютно, стал бы беспокоить, – заверил Шабтай.

– Намотай на ус: никаких советско-ботсванских joint ventures. Компанию оформишь на себя, а дальше – посмотрим. И последнее. Все, что говорено между нами, – тайна, мертвая, как сургуч. Понял?

– Конечно, государственная! – раболепно подсказал Шабтай.

– Мертвая! В какой бы переплет не угораздило бы тебя! – вlepил тавро аноним.

Тут Шабтай допетрил, наконец, что этот степенный русак, по выучке и фактуре – генерал-разведчик, знающий законы бизнеса не хуже маститого СРА,* или, на худой конец, высокопоставленный внешторговец, представляет в проекте *самого себя* или узкогрупповые интересы. А его могучее, теряющее власть над умами государство, скорее всего, тут ни при чем. Он им лишь подотрется, наступи день икс.

– Деньги получишь, как только согласуем новый бизнес-план, наличными... – продолжил аноним.

– Всю сумму? Это же целина капусты! – изумился Шабтай.

– Ишь ты, историю нашу не забыл и жаргон до купы... – Аноним поощрительно хлопнул «экскурсанта» по плечу.

– Миллион к месту как раз – президенту. Остальные – на счету нужны, без этого никак, – разъяснил Шабтай.

– Рекомендации о тебе обнадеживали, вроде... – как-то невнятно проговорил собеседник.

– Ладно, не получится вложить кэш в Йоханнесбурге, слетаю в Люксембург или в Цюрих, – согласился вконец обескураженный Шабтай. Но, обмозговав нечто, добавил:

– Это же огромный риск!

– Насчет риска... сама жизнь – ежедневный риск. И неустрашимый. Когда раньше, а когда позже... Смотри, и пол-ошибки хватит, – расставил акценты «тот».

Выплывшая в одном полотенце из душа Барбара была на взводе, хоть и не подавала виду. Но, заметив в руке Шабтая паспорт, умиротворилась: проводник в форме, на нужной волне.

Тут же ее внимание переключилось на себя родимую: как себя подать, дабы все мужское население ЮАР, страны, ей рассказывали, сказочно богатой и не далее, как вчера, недоступной, надолго потеряло аппетит? А вместе с ним и женское...

Сливаясь с зеркалом, она волнующей пантомимой рук расточалась о великих свершениях, начертанных ей судьбой, чей долгожданный водораздел она вот-вот переступит. Торопливый, но на диво выразительный макияж обнажал ее сокровенные желания и причуды, зеркало же, словно в ответ, томно запотевало, создавая иллюзию живого, полноценного общения.

В том прибое страстных грез преклоняли колени и уходили в отставку: Брандо, Делон, нефтяные шейхи, другие мега-герои, по коим сохла, неотвратимо старея, женская половина Земли. Удивительно или закономерно, но в фантазиях Барбары Шабтаю даже место статиста не нашлось, хотя и доносилось порой: «Фу, мордатый да носатый (лишь бы списывать давал) ... Подумаешь, умник, ловкий, но пархатый...»

Между тем уставившийся в пол Шабтай танец предвкушений польки не внимал. Его охолодевшую в студень суть не могли задеть ни стихоплетство души Барбары, ни чреватая столбняком аппетитность ее форм, лишь выигравшая от банно-прачечных регалий. Недра Шабтая сковала одна-единственная и, на первый взгляд, не таившая прямой угрозы фраза «Смотри, и пол-ошибки хватит...», которую обронил в Берлине его несостоявшийся коллега-аноним, и чей подспудный смысл высветился только сейчас.

Не вызывало малейших сомнений: после крушения «Боинга», похоронившего его связанного с грузом и сам проект, он не кто иной, как свидетель, причем крайне опасный!

Еще тогда, четыре месяца назад, вернувшись из Восточного Берлина в Западный и трезво взвесив весь расклад, Шабтай окончательно уяснил, что его спонсоры из Москвы – не просто высокопоставленные госчиновники, а самая что ни на есть верхушка Первого управления, а может, и самого КГБ, поскольку никакие иные комбинации не складывались.

Безусловно, адресуя свою идею Совмину, Шабтай не мог и предположить, что кто-то на Лубянке (другого канала связи у него попросту не было, не отправлять же «Москва, главпочтамт, А. Косыгину, до востребования»), его цидулку прикарманит и, оценив потенциал, решит на идее «наварить», причем не одноразово, а готовя для неких целей «тупик»*, не исключено, для того, чтобы в скором времени драпануть на Запад. Но, так или иначе, как лицо подневольное, связанное сразу двумя обязательствами, отыграть назад уже не мог. В полном смятении чувств лишь пережевывал между делом: «Н-да, подкинула судьба подельников, иудин поцелуй...» Недолго, однако. Интрига авантюристу – точно малому дитя титька.

«Можно, конечно, тешить себя иллюзиями, – ныне хандрил Шабтай, – что дельцам от сыска сей момент не до меня. Бабки-то тютю, вернуть бы как-то, если одолжились». Но, вспомнив, как на восточно-берлинском КПП, страшась «клопов», вчистую заменили его гардероб, лишь криво ухмыльнулся.

Тут он вернулся в мир, где «задержался» на два сумбурно полосатых дня, в чем уже ни на йоту не сомневался. Словно раскаленным штырем кололо: «Будь я в Европе, закатали бы давно. Ноги, делай ноги. В нору, какая поглубже...»

– Чего расселся, передумал, может? – обернувшись, надменно бросила Барбара. В левой руке косметичка, правая – придерживает вафельную «тогу».

– К тебе заехать? Вещи, тому подобное... – флегматично предложил он.

– Непременно, путь-то не близкий! – согласилась зазноба, прежде бросив на ухажера странный, подернутый любопытством, а где и тревогой взгляд. Он насторожился: неужели догадывается? Ну и бабы, сплошное шестое чувство...

Спустя четверть часа, одевшись, Шабтай неторопливо покидал с Барбарой номер. При этом укомплектован только ключами, портмоне и паспортом. Выложил даже из брюк расческу.

– Как, и без зубной щетки? – отослала к дорожному набору Барбара.

– Я часто езжу, саквояж в машине... – рассеянно ответил Шабтай.

Запечатлев Барбару, консьерж судорожно схватил очки, но, облачаясь, сплеховал – одна из дужек попала в ушную раковину, и он скривился от боли. По обыкновению же, пользовался ими только для чтения.

На «доброе утро» Шабтая, спустившегося чуть позже, портье лишь кивнул, пожирая взором скучающую, немислимого фасада гостью. С него градом катил пот, окропляя стойку, при этом температура в лобби не более двадцати...

Когда свежеиспеченные любовники покинули «Блэк Даемонд», Шабтай вдруг остановился:

– Сдам ключ, иначе номер убирать не будут.

Барбара лишь пожала плечами в ответ.

– How are you doing, Mr. Kalmanovich! – само радушие приветствовал консьерж, будто не встречался с Шабтаем только что.

– Планы изменились, Морис. Продлите бронь, пожалуйста. Остаюсь. Вернусь к обеду, если будут спрашивать, – сообщил постоялец.

– Передам, сочту за честь, – прислуживал консьерж.

– Спасибо и удачи.

Шабтай стремительно вышел на улицу. Зазубрины гостиничного ключа покалывали ногу через ткань кармана.

Вид Барбары Шабтая насторожил. Казалось, она мечется в сомнениях, прозревая, в какое пагубное предприятие себя и ухажера втравливает.

«Не выкинула б чего? Одумавшись, и подставить может... – весь на иголках, раздумывал он. – Хотя как? Не успеет».

Пара бессловесно проследовала к автомобилю, который, едва захлопнулись дверцы, тронулся. Объезжая колдобины, Шабтай, насколько выходило, наращивал скорость. Смотрелся он при этом, не в пример погруженной в думы Барбаре, безучастным, хотя и стегал свои извилины не меньше попутчицы. Как ни странно, география их помыслов – ЮАР – совпадала, однако цели различались кардинально.

Мысли Барбары циркулировали вокруг персоналии спутника. Ни хмель, растрепавший ее плоть и душу, ни пещерный шабаш, свернувший сиделки по ГОСТУ строителей, не могли затмить крайне важного для нее открытия, отворившего свои створки еще вчера: такого типа мужчины, как Шабтай, хоть и свалившегося, словно снег на голову, она не встречала. В ее бурном, насыщенном множеством знакомств и расставаний опыте, ни разу не мелькнуло и подобие того, что способно воспламенить слабого пола суть: дар развязывать хитросплетения души женской. Никогда прежде она не знавала мужчину, который бы так обворожительно молчал, когда молчанье – золото, и извлекал внешне простые, но по подбору самые нужные слова – в том океане пошлого шаблона, в котором она с рождения по-собачьи гребла-трепыхалась. Вся же его театральщина, исполняемая мастерски, но прозрачная как любой по большей мере лишенный фантазий мужской обман, не рассеивала ауру прирожденного победителя, крепко стоящего на ногах и не знающего слов «не могу».

Раздираемой мужским вниманием, когда во благо, но чаще себе во вред, ей так и не довелось вкусить взаимность. Оттого в ее двадцать семь, досаждавших унылой неопределенностью, доминанта доминант – пожирнее обменять красоту на материальный достаток, и «с пенкой» коротать свой астрономически капризный, как у любой женщины, век.

Добился ли Шабтай чего-либо значимого или он лишь на пути к успеху, Барбару ровным счетом не интересовало. Пусть в восхождении к Гименею ее проводником был заурядный расчет, но представить себя в союзе с мужчиной, чья внешность, мягко говоря, не пленяла, она не могла. Даже с таким восхитительным любовником, как он. Посему, испытав озарение от броска в Кейптаун, когда окрылявшего парусом, а когда дисциплинировавшего холодком цинизма, Барбара наконец разобралась, что ее подтолкнуло к близости с Шабтаем – на той развилке чайний, куда вывела судьба. Близость, чьи тени, не отступая, блуждали где-то рядом...

Барбара осознала яснее ясного, что из круга воздыхателей лишь Шабтаю по силам воплотить давно вынашиваемую мечту. Кроме него, сделать это попросту некому. Ради нее, мечты, растолкав не одну из соперниц, она буквально по головам прорвалась в Ботсвану, ставшую, как ни прискорбно, берлогой с заваленным выходом, а не окном в раздирающий воображение Запад.

Несколько ее попыток «бросить якорь» в виде амуров с двумя немцами ни на шаг не приблизили к цели. Те оказались женатыми, хотя и не признавались в этом. Намеки о «рывке» в соседнюю ЮАР вызвали у одного испуг, а у другого – недоумение. Первый тотчас инициировал разрыв, а второго, за ненадобностью, она мало-помалу сама отшила. Контракт же заканчивался, через какие-то восемь несшихся литером недель...

Сгруппировавшись всем нутром, она ныне принялась соображать, что взять с собой, а что оставить, дабы компаньонка Гражина ничего не заподозрила. Ни в Ботсвану, ни в Польшу она возвращаться не собиралась, твердо решив попросить в ЮАР убежище, политическое, а хоть какое...

– Постарайся не задерживаться. Чем раньше доедем до границы, тем лучше, – сориентировал Шабтай, останавливаясь у мазанки.

– Я мигом, коханий, не скучай!

– Этого не обещаю...

– Да-да! – проморгав контекст, заверила Барбара.

Как только пассия исчезла за парадной дверью, Шабтай преспокойно развернулся и дал газу – от красавицы-польки, вдруг свалившейся тяжким бременем, стойбища-города, где вольготно жилось одним мухам да пасюкам, призрака смерти, возникающего то спереди, то сзади, от всех взрыленных, но не отоваренных надежд.

***

Напевавший какую-то мелодию портье Морис механически выдвигал ящики стола и заталкивал их обратно. Казалось, едва определив задачу, он ее посеял. И в самом деле понадобившийся для продления брони Шабтая журнал уже дважды попадался ему на глаза, но «ключ внимания» проворачивался вхолостую.

Добродушный как многие тучные люди Морис обильно, с редким «вдохновением», потел – сознание, вздыбленное формами секс-бомбы, запустило иммунную систему в какой-то не размыкаемый цикл.

Морис – холостяк, хотя ему давно перевалило за тридцать. Даже в нищей Ботсване, где женщина лишь мужний придаток, на его полтора центнера телес претенденток не находилось, притом что сам президент его родственник, правда, десятая вода на киселе.

Свободное время Морис коротал в одном из немногочисленных кафе Габороне «Тюлип». Его облюбовали дипломаты из европейских стран и иные белые иностранцы, коих в Ботсване можно сосчитать на пальцах. С европейцами-мужчинами он сталкивался у себя, в «Блэк Даемонд», но встретить белых женщин можно было только там.

Увязнув в своей слабине, Морис со временем наловчился различать языки и национальные типы, хотя владел, помимо местного диалекта, одним английским. Подучил и географию, почему-то возненавиденную в школе. Прежде считал, что Австралия и США на европейском континенте.

Со временем вечера в кафе подменили ему личную жизнь, задали смысл существованию.

Для посетителей Морис служил неким талисманом. С ним почти все здоровались и нередко перебрасывались парой фраз. Иногда белые мужчины приходили без женщин, вгоня метрдотеля в тоску, а то и в души ненастье. В такие дни, съев свои неизменные пять булочек с кофе, он понуро плелся домой. Тут же валился на боковую и пытался заснуть, раздавленный, одинокий.

Звонок отвлек Мориса от дурацкой возни с ящиками. Ухнув напоследок, Морис с несвойственным ему проворством двинулся к стойке и поднял трубку.

– Отель «Блэк Даемонд». – Портье вращал глазами, словно искал что-то.

– Будьте добры, пригласите господина Калмановича, – прозвучало после обмена любезностей.

– С превеликим удовольствием, – отозвался Морис, учащенно дыша. – А хотя...

– Что же? – В голосе абонента мелькнула тревога.

– Он уехал...

– Выписался?! – поразился звонивший.

– Напротив, объявил о продлении, – успокоил портье. Незримо качающая адреналин секс-бомба воссоздалась у него перед глазами.

– У меня нечто важное... – продолжил абонент

– Не беспокойтесь, он просил передать, что вернется к обеду.

– Кому-то конкретно?

– Вроде нет... Записать сообщение? Простите, как вас?

– Не утруждайте себя, вы очень любезны, – молвил абонент, после чего распрощался.

Морис оперся руками о стойку, задумался. Хвостик цели, с которой он недавно разминулся, мельтешил перед глазами, но вспомнить, какова она, у него не получалось. Мешало навязчивое видение, то расслабляя, то будоража. И явно ни к месту: Морис свою работу любил, желая к ней поскорее вернуться.

В дымке случайного, где гуляют лишь тени, творца не обретшие, проскользнула, не оставив отметины, новая мысль: кроме супруги из Израиля, Калмановичу прежде никто не звонил. Из автомата в лобби Шабтай всегда названивал сам. И чуть ли не через раз на каком-то новом, неизвестном Морису языке. Звучали: немецкий, но не совсем чтобы, арабский, но благозвучный более, слащавая тарабарщина из шипящих и носовых, и какой-то красивый, но тужащийся от длиннот язык, на котором ветеран-постоялец общался с супругой. Недавний абонент, хоть и говорил с ним по-английски, своим акцентом и одномерностью ритма тот язык чем-то напомнил...

Наконец портье спохватился, что Калмановичу бронь он так и не оформил. Деловито, под натугой веса, продефилировав к столу, открыл средний ящик. Журнал брони – на самом верху, но повернут тыльной стороной...

Портье отыскал нужный раздел, отметил продление. Вспомнив, что о сроках Шабтай не обмолвился, записал: «до следующих распоряжений». Гостиница и так пустовала.

За десять минут до сдачи смены Морис плюхнулся в кресло, расслабился. Впервые за несколько лет «погляделки» в кафе отменялись, если не исчезли из ближайших планов вообще. Мысленно он утопал дома в постели, в шоколадно-сливочном поту...

Глава 7

Сын генерала Куницына, Виктор, по пути к отчому дому ежился в городском автобусе от холода. В Москве, как и во всей Центральной полосе, стужа лютовала уже месяц, загнав человеческий муравейник в огромный гроб-сосульку. Зима восьмидесятого, точно смерть, казалась неодолимой, не обещавшей ни спуска, ни конца.

Сокурсники Виктора, обычно замкнутые и трясущиеся сболтнуть лишнее, с наступлением крещенских морозов часто шутили, обыгрывая непогоду каждый на свой лад. При этом шуткой месяца слыло: «Так холодно, что „хозяйство“ бронзовой обезьяны может отмерзнуть». Метафору кто-то вычитал в английском бульварном романе. Так, мгновенно распространившись, сугубо контекстная фраза обособилась в местный афоризм.

Утром, на первом перерыве между парами, Виктора вызвали в канцелярию разведшколы и вручили увольнительную. Опешив, он засунул пропуск в карман, не удосужившись даже взглянуть на дату возвращения.

В город отпускали редко, в среднем, один раз в месяц и в основном москвичей. Иногородних не баловали, но всех всегда оповещали заранее. Как правило, побывка выпадала на субботу, отпускали на сутки, не более. Сегодня же вторник...

Прапор на шлагбауме изучал пропуск дольше обычного, странно поглядывая на курсанта. Лишь расписавшись в журнале и взглянув на графу «вернуться», Виктор понял, в чем дело: кайфовать предстояло три непонятно как обломившихся дня. Екнуло даже, все ли с батареек в порядке? Но решив, что, случись беда, известили бы, заторопился к дежурному газику, доставлявшему персонал школы к электричке.

В город разрешали выходить только в гражданской одежде, которую подбирали и выдавали как униформу. Одежда – отечественная, но всегда в самый раз. Проучившись полгода, Виктор понял, откуда этот прикид, сырый и неприметный. В нем курсанты походили на лимитчиков, наводнивших Москву в последние годы. Ничем не выделяясь, сливались с толпой.

По молодости, Виктор не понимал, что применительно к нему гардеробный камуфляж работает с точностью до наоборот – скорее навлекает подозрения. Его умное, породистое лицо выдавало белую кость, а бугристая стать мастера спорта по самбо лишь усугубляла нестыковку гардероба с внешностью.

Ходил бы парень в джинсах, как большинство сверстников-москвичей, так вырядили его в «гегемона», наострившегося в родную деревню за салом...

Выйдя из автобуса, Виктор опустил ушанку, хотя сделать это следовало давно. Холодина в скрипевшем на каждом ухабе «Икарусе-гармошке» – такая же, как и на улице, он уже давно задубел.

Едва Виктор открыл дверь в свой подъезд, как дежурный милиционер привстал из-за стола, намередаясь двинуться к посетителю навстречу.

В последние месяцы Виктор приезжал домой нечасто, но с этим постовым уже пересекался и даже как-то с ним поболтал. Фамилию он не помнил, а звали его, если чего не запомнил, Федор.

– Ку.. – рыкнул милиционер.

Виктор снял шапку, отряхнулся.

– А, из шестнадцатой! Богатым будешь, не узнал.

– Все в порядке? – со щербинкой неуверенности спросил Виктор, тревожась об отце.

– В полном, на то и служим! – заверил постовой.

– На хоккей ходишь? – чуть подумав, поинтересовался Виктор, будто завязывая разговор вежливости.

– Толку... Мальцев-то травмирован...

– Выздоровеет... – Виктор доставал из кармана ключи.

– Отец твой дома, – подсказал постовой.

Вскинув брови, а потом и рукав, Виктор уставился на часы, сюрпризов не открывших – полчетвертого. Дня, на который, судя по щедрой увольнительной, он имел явно больше прав в лишь каркавшей о равноправии стране...

– Здоровались.

– Вот и чудно. – Виктор вошел в лифт и нажал на четвертый этаж.

Его вновь одолели дурные предчувствия: раньше семи вечера отец с работы не возвращался, нередко пропадая на ней сутками.

Тем временем Куницын-старший, в доверительном рандеву с самим собой, подливал из термоса «Камю», который мелким оптом поставляли в гэбэшный распределитель. Как профессиональный конспиратор он переливал коньяк в невинную для обывательского глаза емкость. Саму диковинную бутылку разбивал, сплавляя осколки в мусоропровод. Даже прищипывался из крышки термоса, создавая иллюзию чаепития. Вопрос только: перед кем, самим собой?

После недавней смерти любимой на глазах изглоданной раком жены генерал «хлебал» до доньшка каждые выходные и не только... Когда Виктор изредка приезжал на побывку, то и дело наталкивался на наклюкавшегося отца. Сокрушался, но пока ограничивался одними увещеваниями.

Между тем сегодня «оттяжка» выполняла у генерала чисто оперативную задачу – дымовой завесы, маскировки. На тот самый крайний случай, если Виктор, отринув душегубский подряд, кинется разоблачать заговор. Даже отговорку хлесткую припас: «Перебрал, вот и укаатило в белом фаэтоне. Пьяный бред, забудь!»

«Декорацию» подкинул Остроухов, одобрявший сегодня утром заготовку зама по ликвидации Ефимова. Куницын, правда, описал один каркас: время, место, оружие. Саму подоплеку подряда он умолчал. В той стихии, где верхушку Первого управления с недавних пор крутило, обжигая, точно на вертеле, не хватало только ее...

Получив от Остроухова карт-бланш, Куницын тут же связался с учебным центром КГБ в Балашихе и попросил отпустить сына по семейным обстоятельствам. Каким именно, вопросов не задавали: обратился не кто-нибудь, а второе лицо советской разведки. Уточнили лишь: «Трех суток хватит?»

– Вполне, – прозвучал ответ. За сим и раскланялись.

Отмыкав пять жутких дней, полных душевных мук, ковыряния в нужнике прошлого и потугов ухватиться за вихляющую кибитку дня беспальными обрубками, Куницыну в конце концов удалось не то чтобы преодолеть раздрай, а сгруппироваться. Произошло это не далее, как позавчера. Отправной точкой послужил состоявшийся на даче Главного разговор.

Доехав в ту ночь до дому и несколько «восстановив дыхание», Куницын рассмотрел пасьянс своего незавидного положения. Обнажилось яснее ясного: злой гений Остроухова готов обратиться в союзники застукавшего их ревизора. Так что, исчерпав все пути к спасению, шеф спустит с привязи Ефимова и утопит его и начфина в проруби как котят. На всех документах, выводивших из бюджета злосчастные миллионы, присутствовали лишь его, Куницына, и начфина подписи, а протокола встреч-заседаний они, понятное дело, не вели.

Воистину не знаешь, «кто враг, а кто союзник», как прозрачно намекнул ему Остроухов на даче. И пусть для Главного «запуск на орбиту» Ефимова – последний, лишь отодвигающий очередь в камеру смертника маневр...

Размусоливать не приходилось: самое заинтересованное лицо в устранении подполковника – он сам. Единственное, в чем поначалу сомневался: самому убрать ревизора или все-таки навязать убийство сыну, боготворимому с колыбели? Но, поразмышляв шершаво, как

провернуть мокруху практически в свой лощеный, просиженный по большей мере у селектора полтинник, Куницын, пусть через не могу, мысленно выдал мандат на ликвидацию Виктору. Да и куда не гляди, убирать следовало чисто, обставляя все под потасовку. А кому, кроме натасканного агента, это под силу?

В наставниках у Виктора, отобранного за спортивные достижения в группу спецопераций, именуемых «контактными», числились одни матерые волки, «моцарты» насилия, для коих сицилийская мафия – шустрые, но лубочные зайцы. Виктору, вне сомнения, задача была по плечу, к тому же «сковырнуть» предстояло хилого, кабинетного «червя».

Другое дело, барьеры: психологические, возрастные и, конечно, нравственные. Чтобы вынудить Виктора убить – и не урку-рецидивиста, а достопочтимого гражданина, причем хладнокровно и в первый в жизни раз – требовалось наплести нечто экстраординарное, некий распущенный фантазией сюжет, разом потрясающий рассудок и взывающий к самосохранению или мести. Но главное – заземляющий очень личное.

Был бы Виктор постарше, генерал, не колеблясь, рассказал бы правду, всю, как есть. И, как минимум, рассчитывал бы на участие. Сыну же двадцать пять, возраст пусть не розовых бабочек, так шаблона идеалов, быстро, впрочем, меняющихся. Огорошь его вводной убить, и консилиум психологов не возьмется предсказать отклик. А хотя, чего уж: от тычка в физиономию до тихого безумия, если руки не наложит вообще...

Немотивированное убийство толкало Виктора в чрево зоологии бытия, официозом морали припудриваемое, но в слизи которого хлюпают все амбиции мира сего, в чем Куницын-старший ни на йоту не сомневался. Более того, в силу своего особого, зловещего призвания биологическим началом людской природы мастерски манипулировал.

Поначалу ему на ум ничего не приходило, но генерал упрямо обыгрывал один сценарий за другим – фермент яростной схватки за жизнь подстегивал работать мозг на форсаже. Все, однако, уходило в песок, как пошное, лживое, ненастоящее, пока сегодня ночью он не проснулся в дивном блаженстве, не посещавшим с тех пор, как Кати, его жены, не стало.

Такой же зимой, студенной, но игристо счастливой, они стояли на пустом перроне, ожидая поезд, на котором прибывал Саша, Катин старший брат, ее единственный на тот момент, заменивший родителей родственник. Оба ушли из жизни рано, погибнув в автоаварии, едва она поступила в институт.

Поезд опаздывал, но Куницына это не тревожило, скорее, наоборот. Ибо хотелось навеки запечатлеть серебристую, полусказочную тишину, прерываемую короткими гудками локомотивов, кристаллики снега, зависшие в лучах фонарей, и тихое, поглотившее все клетки счастья. И мечталось, чтобы поезд и дальше опаздывал, а облако светлого, почти целомудренного притяжения, обострившее ценность чувств до предела, укрыло их на всю оставшуюся жизнь.

Но в закоулках души Куницын побаивался этой встречи, зная, насколько Саша дорог Кате. Втрескавшись по уши, буквально тряся от мысли ее потерять. Вдруг покажется брату не тем?

Между тем, при встрече, все «расстелилось», как нельзя лучше. Своей покладистостью и внутренним спокойствием Саша без всякой притирки был им принят, но, что гораздо важнее, был принят сам.

Встретившись, они втроем два дня славно бродили по Москве. То читали стихи, то признавались в любви, то куролесили – под сенью лишь их приметившей звезды.

Прощаясь на том же перроне, Саша протянул руку и, не молвив даже «пока», открыто, доверчиво посмотрел. Этот чистый, по сути своей, беззащитный взгляд извлек его сегодня ночью из забытья, хрипевшего безумной грызней и совокуплением тварей. Он не шевелился, изумленный простотой найденного решения.

На звуки поворачиваемого ключа Куницын чуть приподнялся. Загребал термос со стола, где квартировался штаб еще не оперившегося злодейства, и плеснул в походную посудину. Попытался отглотнуть, но поперхнулся. Бросил пластмассовую крышку на стол, расплескав коньяк.

– Живой есть кто? – Виктор свернул к кухне на шум. Иносказательности в той интонации не было...

– Пропажа, ты?! – прохрипел не «тем горлом» родитель. Зацепившись за крышку стола, вскочил на ноги.

Со смесью досады и тревоги Виктор распахнул полуприкрытую дверь. Увидел, что раскрасневшийся, изрядно принявший «на грудь» отец движется ему навстречу.

– Что случилось? Опять... – Сын деликатно отстранился от «передержанных» отцом объятий.

– С приездом! Проголодался, наверное?

– Да не голоден я! – огрызнулся Виктор. – Сядь, сам сооружу... И кончай, хватит!

– Как знаешь... – Генерал попятился, понуро сел.

– Батя, что стряслось? – Виктор открыл холодильник. – Почему не на службе? Четырех еще нет!

– Поешь вначале, потом...

– Прогуляемся? – закончив трапезу, предложил Алексей Куницын. Чуть поерзав, потянулся к крышке термоса, где на доннышке благоухал не расплесканный «аромат».

Опасаясь быть «выплеснутым» хоть и со знатной, но центробежной по воздействию жидкостью, «ребенок» остановил руку отца, бережно отвел ее в сторону. Вылил остатки коньяка в термос, завинтил крышку. И лишь затем откликнулся:

– Морозище, куда?

– Пиджак купим... как раз.

– Ладно, лишь бы проветрился...

Куницын-старший на квелых ногах сходил к шкафу, откуда принес шарфик, который надевал лишь по выходным. После чего облачался уверенно, без «поиска рукавов», совсем не походя на подвыпившего, точно в модном шарфе разгадка, над которой тысячелетия бьется продвинутое и не очень человечество...

– Дела серьезные, сынок... – посетовал Алексей Куницын, когда они порядком отошли от дома.

– Настолько, что в квартире не отважился? – насторожилось чадо.

– С Сашей беда... – опечалился генерал.

– Как в воду глядел! – запричитал Виктор. – Месяца два на звонки не отвечает! Спрашивал ведь тебя! Отмалчивался почему?!

– Оттого, что не просто серьезно, другие слова нужны...

– Что стряслось, батя?

– Саша в Москве...

– Переехал?!

– Пере... перевез я его.

– Куда?

– О событии вначале... – В трескучем морозе подмерзла пауза.

– Говори, батя, не молчи!

– Слушай тогда. Год назад... у дяди Саши в цеху... произошла роковая авария, не больше и не меньше... – Генерал прочистил горло. – О катастрофе обмолвилась лишь «Советская индустрия», но всего парой строк. Хотя и отмечалось «имеются человеческие жертвы»,

о количестве погибших умолчали. А было их двенадцать, кого разорвало на куски, некоторые же – сгорели заживо. Разнесло и оборудование на миллионы рублей. Происшествие такого масштаба даже в столь аварийно опасной отрасли, как химия, случай – из ряда вон. Последующий виток событий, возможно, раскрутился бы по-иному, не оказались бы большинство жертв иностранцами, членами румынской делегации – прибыли в Свердловск для ознакомления с технологией, которую планировали у нас приобрести. В числе жертв – замминистра и несколько высокопоставленных чиновников министерства промышленности Румынии. Да и из наших погибло несколько не последних людей: заводделом промышленности свердловского обкома партии, главный инженер завода, другие... Сам дядя Саша, к счастью, в тот день был в командировке, оттого и уцелел. До поры до времени, однако...

– До поры до времени – это как? – торопливо уточнил отпрыск.

Генерал взглянул на сына и ужаснулся – настолько тот изменился в лице.

– Не гони, одиссея вся впереди... – отчитал генерал. – Так вот, по возвращении из командировки, дядя Саша с жаром взялся за реставрацию цеха, оставаясь в прежней должности, начальника. Созданная для расследования аварии комиссия тем временем не спеша принималась, методично проверяя одну службу за другой. Были в ней и наши люди – рыскали на предмет теракта. Дядю Сашу то и дело вызывали на ковер, но все пертурбации он воспринимал, как должное. Беспокоился скорее за карьеру, нежели за судьбу. Дело в том, что за полгода до аварии Саша направил директору докладную записку, где жестко потребовал заменить в цеху агрегаты, срок эксплуатации которых перешагнул все нормативы. Как впоследствии выяснится, поломка одного из них и привела к беде. Проблему он не раз поднимал и на заводских совещаниях, чему было немало свидетелей. Копию докладной записки он подшил к цеховой документации, понимая: случись что, ничем, кроме бумаженции, крыть не сможет. Полагал, что своевременно поданный рапорт снимает с него ответственность, переводя стрелки на директора. И максимум, что ему грозит, это выговор и не совсем приятная миссия свидетельствовать против начальства. Но зная, что директор – родственник Долгих, питал иллюзии, что дело в итоге замнут. Экая наивность! Думал, о чем угодно, только не о том, что самая удобная кандидатура для роли стрелочника – он сам... – Куницын-старший горько усмехнулся, продолжил: – Как только комиссия завершила расследование, дядю Сашу арестовали, предъявив обвинение в преступной халатности, повлекшей человеческие жертвы и материальный ущерб. Когда же следователь заявил, что ни в цеховой документации, ни в архиве директора, изъятых комиссией для проверки, его докладная не обнаружена, дядя Саша онемел, после чего впал в глухую депрессию. К счастью, своей вины он не признал и через месяц был выпущен под подписку о невыезде. Хотя характер правонарушения позволял оставить его на свободе до суда, дяде Саше несказанно повезло. То ли следователь – буквоед и слуга закона, то ли прокурор ушел в отпуск, но, так или иначе, он оказался дома. Там его, однако, ждало не меньшее разочарование: с работы уволили, запретив строго-настрога впускать на территорию завода. Попытки связаться с директором ни к чему не привели. Сашины звонки игнорировали даже недавние коллеги, прекрасно знавшие, что вопрос об износе оборудования он ставил не раз. По всему выходило, Саше готовят хорошо спланированную, показательную экзекуцию.

Как бы там ни было, в то время мне было не до него. Мама стремительно угасала, жить ей оставалось считанные месяцы. И хотя, выходя из забытья, она не раз просила меня вмешаться, пока дядя Саша сидел, я ничего реального предпринять не мог. Не знал даже, в чем конкретно его обвиняют.

– Н-да... – изрек отпрыск, после чего семья Куницыных некоторое время молчала. И стар и млад испытывали одинаковое, хоть и вкравшееся независимо друг от друга чувство: почему так мерзко скрипит сегодня снег, притом что, по обыкновению, его хруст бодрит и радует? Хрустофобию первым преодолел глава дома.

– Когда дядя Саша, по выходе из тюрьмы, приехал к маме попрощаться, он посвятил нас во все подробности этого от начала и до конца сфальсифицированного дела. Возмутившись, я по своим каналам снесся с прокуратурой, но «слив» ничего хорошего не сулил. Обвинение намеревалось потребовать тринадцати лет строгого режима, что означало: признав виновным, его приговорят не менее, чем к одиннадцати. Оттуда и нашептали: директора лоббирует секретарь ЦК КПСС Долгих. При такой расстановке оставалось единственное: пойти к Андропову и, изложив суть дела, упрямить вмешаться. Лишь он мог предотвратить самосуд. Но, зная, что закулисных игр Юрий Владимирович неизменно сторонится, идти к нему смысла я не видел. И сказать честно, мысленно с дядей Сашей я тогда попрощался. Ведь не секрет: праведники в лагере не выживают. Даже мама понимала это, зная, насколько от природы раним и беззащитен ее брат.

Последние мамины дни мне не забыть, пока начертано дышать и думать. Мама походила на почерневший скелет, из которого недуг выскоблил все живое, заполнив пустоты болью. На моих глазах боль догрызала призрак, который почти не шевелился, зато маялся, не переставая...

– Батя!

– Прости, сын, развезло! Соберусь... сейчас... вот... На последнем выдохе – откуда только взялось – мама изъеденными до пор губами прошептала. Пожирая взором артикуляцию, уловил: «Сашу спаси...».

– Спасу! – безрассудно выпалил я, цепляясь зубами за шестеренки агонии.

– Поклянись... – последнее, что разобрал.

– Клянусь, милая, спасу!

Через минуту ее не стало. Ушла... так ярко, в диких муках, навсегда... В моей жизни, Витек, – протер рукавом глаза генерал, – бывало всякое, по совокупности и десяток судеб затмит. Ухаживай не ухаживай за моей могилой, убежден, покров будет буйным. Когда бурьян, а когда ромашки, но чаще тюльпаны черные. Но то, что я испытал в ее последний миг, расшвыряло и обесценило все мои стенания и муки, которые изведаль, пережил. Мне как бы приоткрылась формула чистоты. Я заглянул туда, где зарождается рассвет, жертвуют и любят, благодетельствуют и никогда не предают, без чего людская общность, как святое писание без Бога...

Алексей Куницын замолчал и, чуть замедлив шаг, мысленно раскручивал последний скат своей истории-сюжета, существовавший пока лишь в эскизе. Внемя, что история легла и замутила искренностью не только сына, но и его самого, он удалился на предпоследний антракт. В сварганенной им перед рассветом «рукописи» оставались лишь две непрочитанные главы. Но мало-мальски сведущий читатель настоял бы, что одна. Не называть же главой инструкцию, как убить невиновного, проштрафившегося лишь тем, что стал поперек дороги власть предержащим. Как выяснится, сам того не ведая...

Доверие категория расплывчатая, но все, что Куницын к тому моменту живописал, было правдой, истовой, без купюр и почти без прикрас. Сущей правдой тужился и последний монолог, к которому Алексей Куницын ныне внутренне готовился. Из хронологии событий выпадал лишь один вероломно вставленный фрагмент. Композиционно – финал, а может, постскриптум.

– Батя, ты как? Присядем, может? – Виктор кивнул в сторону закуской, которую они только что прошли.

– Все путем, не стоит... – Алексей Куницын вновь потянул паузу, должно быть, рассчитывая, что сын сам «подбросит уголька».

– С Сашей, что все-таки? – рассек паузу Виктор.

– Как начать, не знаю... – тяжело вздохнул генерал. – Да ладно! Когда Саша с мамой попрощался, я попросил его мне больше не звонить и дать номер телефона-кукушки для экстренной связи. До тех маминых слов, застрочивших мою жизнь по-новому, я думал лишь

о себе, ну и о тебе, разумеется. Пусть Саша близкий родственник, но даже житейским контактом с ним компрометировать себя я не мог. Мою форму допуска, выдаваемую лишь единицам, не получил бы и генсек с его бурной молодостью... – Генерал чуть хмыкнул, вскоре возобновив вещание: – На похороны Саша прибыл без задержки. Встречал я его сам, без водителя. Мы тотчас отправились в морг, там он и воздал почести. Поселил я Сашу... на конспиративной квартире, которой распоряжаюсь единолично. Ни на сами похороны, ни на поминки прийти ему не позволил. На сей раз конспирировал я по причине, диаметрально противоположной прежней. Дав маме клятву, перед которой присяга офицера растворялась, точно сахарная пудра в кипятке, лихорадочно искал пути, как спасти его от зоны... – Алексей Куницын задумался, после чего разъяснил: – Поначалу не проявлялось ничего лучшего, чем, снабдив Сашу подложным паспортом, организовать его побег на Запад. Но зная, что с кондачка такое не осилить, идею я заморозил и сосредоточился на промежуточном решении, которое, как ни ломал голову, не приходило... Промариновав Сашу две недели на явке под замком, был на грани отправить его обратно в Свердловск, на закляние, ибо идею свала за бугор я в конце концов отринул – запредельный риск. Но в один прекрасный момент меня наконец осенило – зацепился за смешную до хохота деталь. Случилось это в аптеке, куда я заехал купить лекарство от простуды. Когда подошла моя очередь, с языка слетело нечто случайно подвернувшееся. Провизор улыбнулась, сказав: «Это средство для умалишенных». «Минутку, у меня записано где-то». – Я стал рыться в карманах. «Следующий», – не долго думая, скомандовала аптекарша. Я шагнул в сторону, силясь вспомнить, куда засунул шпаргалку, которую дал мне мой помощник. Но поиски оборвал, задумавшись, не совсем понимая, о чем. Потоптавшись малость, направился к выходу. Тут аптекарша окликнула: «Гражданин, не вспомнили?» Я не ответил, увлекаемый наружу чем-то необыкновенно важным, но пока лишь кристаллизующимся. Выходя, услышал реплику одной из томившихся в очереди дам, похоже, ревнительницы «устоев»: «Точно тронутый, хотя и одет с иголочки. Порядки – хуже некуда... Скоро из лепрозориев выпускать начнут». Здесь меня осенило! По пути домой я то и дело усмеялся, дивясь, как комичное цепляется за товарняк жизни даже в такой строгой, одномерной системе, как наша, оборачиваясь в спаренный локомотив. На следующий день, отложив дела службы в сторону, я уже торил дорогу к Сашину спасению – по плану, обретшему, наконец, физические координаты. Единственное место, где Сашу можно было схоронить, заслоня от всевидящего ока милиции, находилось рядом, в пределах городской черты. И доступ к нему имелся, причем по штату. На жаргоне нашем – диспансер...

– Какой? – заинтересовался Виктор.

– Не совсем обычный... Психушка, но без вывески...

– Не понял?!

– Понимать не надо, знать лучше. А хотя, что лучше, а что хуже, я давно запутался...

Этот диспансер – неприметная, но объективная реальность, возникшая под крылом Пятого управления, если ты о нем что-либо слышал.

– Не слышал, но читал, вражескую прессу мы изучаем в оригинале. Если не ошибаюсь, структура по борьбе с диссидентами. Только при чем здесь психушка? – откликнулся Виктор.

– При том, что далеко не всех «соловьев свободы» можно посадить. Время иное... Для «постановки голоса» и созданы эти клетки-зоопарки. Без посетителей, однако!

Тут генерал заметил, что сын почти его не слушает и как-то трусливо ушел в себя. Ему казалось, что запахло варевом из стеблей подорожника, растения бесхитростного... Именно этого Куницын опасался больше всего. Подумал, досадуя: «Сейчас бы суп из устриц – этих помешанных на чревоугодии, но погрязших в беспринципности французов». С лягушатниками он был знаком не понаслышке, проработав в Париже несколько лет, сразу после «распределения».

– Но склонить дядю Сашу залечь на дно психушки оказалось сложнее, чем додуматься до такого, – вернулся к сюжету генерал. – Ни о каком диспансере он и слышать не хотел, твердя: в себе пока, а переучиваться на психиатра не намерен. При этом, не заручившись его согласием, внедрить его туда втемную я не мог. Лишь сотрудничая, мы могли обеспечить тыл легенде. В противном случае, Саша спалил бы нас обоих. Как всегда, подсобили эмоции... Внушая Саше, что зона ему противопоказана, в какой-то момент слетел с катушек.

– Да нужен ты мне, идиот! – в запальчивости крикнул я. – На все четыре – хоть куда! Не дал бы слово, можно подумать, возился бы!

– Дал слово, кому? – тотчас уточнил дядя Саша.

– Никому! – отрезал я.

– Постой-постой, не Кате ли – умирающей?

Он быстро сник, сподобившись в кошель хандры и безликой обреченности. Сердце даже екнуло – стало его настолько жаль. Тут я голым инстинктом выхватил: связан я волей покойной или нет, но, смотря на Сашу, все время вижу Катю, его сестру. Пусть опосредствованно, в проекции воспоминаний, но она вся тут, в этом небесталанном, но теряющимся в буреломе жизни человеке, не осилившим даже столь банального, как завести семью. Был ли озвучен тот наказ или мама унесла бы его в могилу, я бы разбился вдребезги, но Сашу бы спас.

– А кукушка, как с ней? – холодно подначил Виктор.

– Какая? – будто прослушав, рассеянно отозвался Куницын-старший, казалось, начавший переигрывать...

– Телефон-кукушка!

– Вить, не цепляйся. Где служу, помнишь, наверное? Тебе ли спрашивать? Будто ничему не учат вас...

Несколько минут семья шагала, безмолвствуя. Каждый, похоже, думал о своем, но и отчужденности не было. Временами поглядывали друг на друга, чуть заискивая.

– Услугами «мозгоправов» мы не пользуемся, – глубоко вздохнув, вновь заговорил генерал. – Наша продукция – вся «на экспорт», контингент и задачи у нас иные. Тем не менее пару-тройку мест в той лечебнице для разведки держат – на всякий нестандартный случай... Не откладывая в долгий ящик, сунулся я с Сашей туда, пока он не передумал.

– Доброго дня и принимайте по описи! Намотайте на ус, однако: снадобьями не пичкать и стеречь, как зеницу ока. Проявил, так сказать, нор, а с наглядностью у нас дефицит... Может, созреет, поймет, что к чему, и одумается... Полгода-год, а там посмотрим.

Я даже паспорта нового для него справлять не стал – смысла не видел. Затея строилась на простом: КГБ – государство в государстве, а разведка, его элитный отряд, в той экстерриториальности вообще автономна. Председатель и зам нас контролируют лишь по «курсу», ну и бюджетом, разумеется. Да, я понимал, риск немалый, многое завязано на авось. Но то, что крыша протечет через каких-то десять недель, даже предположить не мог. Закон Мерфи – феномен в развитии, срабатывает далеко не сразу. Надеялся, что протоптать Саше дорожку в края дальние удобный случай рано или поздно представится... Была ли альтернатива? Возможно и была, но в том цейтноте времени отколоться могло лишь такое... И произошло следующее, мало прогнозируемое...

– Чего захотелось, отец, резко и бесповоротно, знаешь?! – осадило прародителя чадо с задиристым и спертым по духу задором.

Генерал, точно подавился, но не костью тона, застрявшей под кадыком. «Отцом» его сын назвал впервые, еще в десятом классе заменив постутробное «папа» на доверительное «батя» – на модный у золотой молодежи манер.

– Мне вдруг захотелось, чтобы ты бурду эту, мутную, словно воду из бачка, одним шелчком слил, и, хлопнув меня по плечу, сказал: «Проверял на вшивость, ха-ха!» Но, думается, этому не бывать...

Алексей Куницын, резко вдавив руки в ребра, то ли от холода, то ли в силу души болтанки, остановился. Извлек руку из кармана и после некоторых раздумий вяло махнул: мол, пошел я. Возобновил движение.

– Чего ты, батя? – забеспокоился сын, бросившись следом.

– Саша твой родственник, ближе, чем мой... – заметил генерал чуть погодя.

– Отец, разве не знаешь, мы одно целое, что с тобой, что с дядей Сашей?!

– Правда не станет иной, возьмем ли мы ее в попутчики или беспризорничать ей... – в каком только закутке разума выудил «батя».

– За анекдот о Чапаеве в школе ставят на вид, а о Брежневце – отчисляют, хотя и учат такому... – оправдывался Виктор.

– Главное, что учат, – выделил «учат» генерал.

– Обязан докладывать о любом, даже семейном...

– Любом, не любом... Не забывай, школа – подчиненная мне структура!

– А что я знаю поверх того, что ты генерал-разведчик?

– Вполне достаточно. Рассказал вон всего...

– Хорошо, что с Сашей? – Виктор сглотнул горький комок.

– Так вот, не далее, как в пятницу, – наконец извлек скатерть-самоткантку генерал, – беспокоит помощник: «Майор Парамонов из Пятого». Отвечаю: «Не знаю такого, и с каких это пор майоры меня домогаются». – «Не соединять?» – и тут, неизвестно откуда, дыхание сперло на раз. – «Э-э... давай».

Пропуская эзоповы подробности, обрисую суть. Выясняется, майор Парамонов – куратор психушки. Раньше протирал штаны в Конторе, но после серии разоблачительных статей за бугром, откомандирован Андроповым «разобраться». Он и разобрался: всех «подопытных» прополол с запасом и... расколол дядю Сашу, как орех. Все наставления тот позабыл, точно его там впрямь «лечили». Через час встречаемся в «диспансере». Майор – сама любезность: «Утомлять не стану, время дорого, особенно для вас, генерал. Родственничек во всем сознался, даже запросов строчить не надо, что к лучшему... Пути все открыты, целы целехоньки. Кроме нас двоих, о сальто-мортале, приютившем преступника в наисекретнейшем объекте страны, не знает никто. Резону топить вас за идею не вижу. Вреда мне не сделали, ну а родине... Пусть судит по всей строгости, если, конечно, не договоримся... Ни должности, ни протекции не прошу. Зачем утруждать? Конъюнктура, драконовские порядки, субординация и тому подобное... Да я и не карьерист, а материалист – чисто фискального заплыва. Цифирь моя удобна и кругла, вся из нулей. Гладенькая, так сказать, со скромной, сиротливой единичкой во главе. Теку, словно баба, при виде символа: сто тысяч... Не пугайтесь: не долларов, а наших конвертируемых на две, как всегда, бесценные жизни рублей. Сроку неделя, а вашего «погорельца» – что в прямом, что в переносном – загубившего уйму достойнейших граждан, пока в «холодную», под ключ. Как бы с собой ничего... или вы с ним... Иначе план мой – как в том цеху, ха-ха... Не задерживаю, задача не из легких, как у Минфина на исходе декабря. И с приветом, отраслевым, да с напутствием. Приятно было познакомиться! Вам, надеюсь, тоже...

– Меня из школы зачем вытребовал?! – резко перебил Виктор. – Рассказать как облажался, загубил дядю Сашу и себя в придачу? Суд разобрался бы во всем! А мама, понимала ли она? Бредила же, вся на наркотиках!

– Мама как раз понимала! Это ты по молодости не рубишь, не сечешь, – парировал зло отец. – И знай, случись что со мной, тебя на завтра из школы выпрут! Раньше, чем трибунал мне последний куплет сочинит. Ах, Витька, думал сможешь...

– Чем я, пацан, генералу, помочь могу?! – искренне удивилась поросль. – Накостылять Парамонову, чтобы заткнулся... Стоп, подожди, не может быть! Не за этим ли? В смысле... накосты...

Взглянув на отца, Виктор стал меняться: в лице, фигуре, а главное – тепловым режимом крови. За считанные мгновения она словно застыла, сковав его изнутри.

Тем временем генерал, с дивным разносолом в лице – бесстыдства, свалившегося бремени и торопливых мыслишек – теребил нос. Не осилив динамики драмы, семья давно остановилась под провислым панно, зовущего к «равенству», «счастью» и трафаретом, наверное, к «братству»; четыре – со второй по пятую – буквы отслоились. На грозную реляцию из райкома «Пробел восстановить!» местный ЖЭК ответил: «Как только морозы спадают». Но было это – никто уже не помнил – сколько лет назад...

– Пойдем, Витек, не то простудишься. А болеть нам не с руки... – так и не хлопнув сына по плечу, молвил прародитель. Кивнул в сторону дома.

Глава 8

Морис, администратор отеля «Блэк Даемонд» в Габороне, раскинувшись на диване ночного дежурного, видел совсем не африканский сон: белоснежная богиня с платиновыми волосами, обворожительно кружа, исполняла плавный, утонченный танец. В нем и намек на крутобедренные вихляния под орган континента – тамтам, ничего прочего из родного фольклора. А порхали: легкость, изящество, волшебство.

Портье парил в невесомости необъятной красоты и единственным ощущением физического было то, что омерзительная, сделавшая его несчастным полнота исчезла, будто испарившись.

Эротичную утонченность сна, обернувшую его в кокон пустоголового счастья, вдруг тряхнуло. Он услышал свое имя, чуть позже оно прозвучало вновь.

«Как? Она зовет? Не верю... А почему бы и нет? Ведь сон ответвление сущего, пусть он то сливочно-сладок, то вгоняет в дрожь...»

Женщина-комета, мелькнувшая вчерашним утром и ослепившая Мориса своей красотой, стелила воздушные па, напоминавшие скорее волнительный разговор с самой собой, нежели призыв к сближению. Губы ее не двигались, да и глаза смотрели под ноги, словно вдохновляя шаг. Но имя его по-прежнему звучало, настойчиво, хоть и через небольшие интервалы.

Открыв глаза, Морис увидел, что пространство сказки-сна затмил вполне земной, но фактурный с перебором человек, чем-то ему знакомый. Портье вздрогнул, притом что пришелец улыбался. Спросонья или по иной причине Морис опустил веки и, когда открыл их опять, то испытал невидимый пресс, а чуть позже – физическую боль. В него врезались нещадные ребра жесткости, давившие скопищем разновеликих форм – когда прямоугольных, а когда округлых, но от этого не менее саднящих.

Тут Морис вспомнил, что, возвращаясь в начале смены из туалета, где, по обыкновению, задерживался до получаса, он заметил белого мужчину, за которым хлопнула входная дверь. Рассмотреть его не удалось – мелькнула лишь спина. Постояльцем он не был, в этом Морис не сомневался. Да и посещал ли мужчина гостиницу, тоже было неясно. Мог просто развернуться, передумав заходить или прознав, что ошибся адресом.

Чуть позже, рутинно посмотрев в окно, Морис запечатлел «Ситроен», где сидели двое белых и, как ему показалось, наблюдали за гостиницей. Но был ли их интерес таковым или они забрели сюда случайно, Морис даже не задумался. Мало ли у кого какие дела? Со своими бы управиться...

Стоящий перед ним господин, словно с раз и навсегда вклеенной улыбкой, и со взглядом врожденной безнаказанности протянул Морису руку. Но ответить на рукопожатие, оторвав свое тело от дивана, консьерж не мог. На него уже давила вся толща мира, подрядившая асфальтоукладчики, гусеничные бульдозеры, прочую машинерию. Все это, однако, в чувствах, в окончаниях – мозг-то едва кумекал, борясь с обильно пролитым пришельцем сургучом.

– Понимаю, работа ваша не из легких! Помочь? – предложил «похититель снов». – Не стесняйтесь, давайте руку.

Через мгновение Морис сидел, потирая правую ладонь. Сквозь отупение проскальзывало: как столь легкий, хоть и мускулистый человек, килограмм семьдесят, не более, одним рывком оторвал его полтора центнера от лежака?

– Собственно вы кто? Эта комната для obsługi... – Морис сделал усилие заступить на должность.

– В администраторской пусто, да и звал я не раз...

– Отчего на ночь глядя?

– Дело срочное...

- Поселиться?
- Не совсем. Увидеть одного из жильцов.
- Кого?
- Господина Калмановича.

– Какие проблемы? Его номер за лестницей. Вас провести? – Портье направился к стойке. Но, увидев, что его услужливость никакого отклика не возымела, сказал: – Наверх, тридцатый.

«Похититель снов» задумался, не выказывая малейшего желания куда-либо идти. Его белесые, отсвечивающие безмерным цинизмом глаза блуждали по полу. В конце концов, щелкнув костяшками пальцев, он нехотя обогнул стойку и зашагал к лестнице.

Когда незнакомец исчез из виду, невидимое бремя свалилось у Мориса с плеч. Между тем он продолжал стоять посреди администраторской, не двигаясь и затаенно дыша.

Казалось, консьерж уловил нечто важное и активно переваривает открытие. На самом деле он слушал, на пределе внимания. «Похититель снов» уже внушал ему конкретный, вполне осязаемый страх.

Сколько ни тужился, Морис так и не услышал ни стука в дверь, ни даже подергивания ручки в номере Шабтая. Впрочем, и прочих шумовых эффектов, сопутствующих движению по лестнице, не прозвучало. Оставалось предположить, что комната Калмановича распахнута настежь, а под рубашкой позднего визитера – бесшумный пропеллер.

Мориса, словно перекосило, когда прямо перед стойкой, вдруг обналичился «похититель снов» и... без всякого пропеллера.

«Похититель» облокотился о стойку, подпер кулаками подбородок. Рыхлыми, невнятными глазами он добрую минуту смотрел на боковую панель, точно от всего мира отгородился.

– Так, где он? – тихо спросил «похититель», все еще смотря на панель. И не поверни он тут же головы, портье подумал бы, что «похититель» заговорил с самим с собой.

– Вы обознались или не нашли тридцатый? – пустился в предположения консьерж.

– Где он?! Я жду! – повысил голос пришелец.

Мориса вновь что-то примяло, придавило.

– Ради бога, кто?! – взмолился Морис.

– Шабтай Калманович.

– Вы что, не встре...

– В номере его нет.

– Разве дверь открыта?! – Морис чуть не возопил, помня, что ни стука в дверь, ни даже скребка не прозвучало, как, впрочем, и самих шагов.

– Говорю вам, отсутствует! – злобно проскрежетал незнакомец.

– Как это отсутствует? – Портье взглянул на ячейку тридцатого, оказавшуюся на поверку пустой. – Ключи он забрал или...

– Что «или»?! – словно врезал свой вопрос «похититель».

– Расспросы эти... как понимать? – изобразил подобие протеста портье.

– Я – его друг, мы должны встретиться!

Тут Морис вспомнил, что, убыв со спутницей накануне, Калманович в гостиницу не возвращался, по крайней мере вчера в его дневное, а сегодня – в вечернее дежурство.

Открыв лежавший перед ним журнал, Морис сверился с графой тридцатого. Помимо вчерашнего продления, прочих отметок не обнаружил – ни выписки, ни сданных на хранение вещей.

Вновь воскресла платиновая дива. Она уже не кружила, а примостившись на корточках у лестницы, с тревогой посматривая на него.

– Я его действительно не видел, ни вчера, ни сегодня... – подтвердил Морис, норовя взглянуть куда-то поверх пришельца. – Но вещи он не забирал и не выписывался, это точно. Только ключ, где? Он всегда сдает, чтобы прибрали номер.

– Может, приходил к нему кто? – «Похититель» безмерно мутным, точно расслоена сетчатка, взором, уставился на портье.

Не сводила с портье глаз и побледневшая как полотно богиня.

– Да не... – осекся на последнем звуке Морис.

– Нет или постараетесь вспомнить? То, что я услышал, тревожит. И, кажется, мой друг в беде.

Морис осязал, как жирные капли падают с подбородка на журнал, заключающий смысл его скромного, бесхитростного существования. Приземляясь, размывают каллиграфически безупречные строчки, которые он с таким тщанием выводил. Портье подмывало захлопнуть журнал, но еще больше – исчезнуть – настолько мутант стал ему непереносим. Но ни одно из желаний Морис, выжатый как лимон, претворить не смог, приклеившись к стойке.

– Чувствую себя неважно, приходите завтра, – в конце концов вымолвил под нос портье.

Когда Морис с тупой болью в затылке вновь укладывался на диван, он вспомнил, откуда ему знаком пришелец: его контуры мелькали за лобовым стеклом «Ситроена», припаркованного напротив «Блэк Даемонд». Сознание портье «захлопнула» парадная дверь гостиницы, укрывшая обличье еще одного незваного гостя.

– Проклюнулось, Франк? – обратился к «похитителю снов» сидевший за рулем «Ситроена» господин.

– Ноль целых и, максимум, десятая, Иоганн! – сокрушался Франк.

– Неужели? Думал все тип-топ, коль ты на полчаса запропастился... – усомнился Иоганн.

– Хронометрист... Из гонорара куплю тебе новый «Сейко», четверть часа не более! – зубоскалил «похититель снов».

– Что, никаких зацепок, совсем-совсем? Сказал же, десятая! – вгрызся во Франка Иоганн взглядом.

– Вот-вот, секунда на «Биг Бене», погруженного в предрассветный туман, если тебя это устроит, – оскалился «похититель снов».

– Меня устроит любой позитив, работа у нас такая. Дроби мы собираем в целое и всегда в одно, – витийствовал Иоганн.

– Похоже, целых будет несколько. И тариф поднимется пропорционально, придется доплатить... – процедил сквозь зубы Франк.

– Ты уходишь от темы. И, что удивительно, отлично зная, что в нашем бизнесе не торгуются! – ссылался на некий кодекс Иоганн.

– Призывая к ружью, утаили, что работать – в Африке, да еще в несусветной дыре, где на весь город три телефона-автомата, а в объективке на мишень – большой кукиш! Иоганн, мы вторые сутки торчим в этом драндулете, задыхаясь от жары! А, сколько еще, лишь Творцу известно! – возмущался Франк.

– Ладно, куплю тебе спальник с кондиционером, но за твой счет, вычтя из гонорара. – ухмыльнулся Иоганн.

От той улыбки, намалевавшей садовые ножницы, а точнее, изморозь от них, раздухарившийся напарник несколько стушевался. И, растеряв латунь доспехов, стал походить на рядового, обобщенного статистикой мужика, по утрам лишь регулярно делающего зарядку.

– Думаю, он с кем-то был вчера, когда из гостиницы отчаливал, – доверительно делился Франк. – И, возможно, тот человек – последний, кто Шабтая в этом городе видел, коль ни в канцелярии президента, ни в полиции, ни в иных местах – малейшей зацепки.

– С чего ты это взял? Наводка от Мориса? – живо поинтересовался Иоганн.

– Осекся он как-то, когда я поднажал. Чуйка есть: выгораживает кого-то, но не Шабтая – это точно! Не думаю, что между портье и Шабтаем некая конфиденциальность. Да и какие у них могут быть дела: ключ взял – выдал.

- Франк, если у него позавчера и был посетитель, то это...
- Женщина, Иоганн, женщина, если он straight.
- Straight, straight – забыл поделиться, было не до деталей... – подтвердил Иоганн.
- Странно, уборщица видела лишь его одного, когда он покидал номер, если верить второму портье... – рассеянно заметил Франк.
- По всему выходит, нужно разговорить Мориса, здесь ты прав. Иного крючка нет будто... Да и откуда тому взяться: коммивояжер, прискакавший подоить черных козлов, пока не оприходованных, на денек-другой, месячишко... – откликнулся после паузы Иоганн.
- Говорил, что целое всегда одно... – вопросительно взглянул на собеседника Франк.
- С портье толковал ты, а не я! Маху дал – факел тебе в руки! – обозначил штрафника Иоганн.
- То, что Шабтай явится, пока исключать не стоит... – оправдывался «похититель».
- Мы и не исключаем, Франк, а планируем – и как можно тщательнее.
- А где живет Морис, тебе известно?
- Сдаст утром смену и покатым по следам, – выдал рецепт Иоганн.
- Иоганн, «колеса» сменить пора, маячим уже вторые сутки. Да и портье после прессинга повело. Как бы копам не просигналил: торчат тут всякие. Сдвинемся чуть-чуть, за угол хотя бы.
- Валяй, приятель, только всю ночь тебе стоять на стреме, ближайшую пальму оседлав! В гостиницу Шабтай зайти не должен, даже если прикатит на лимузине президента самого! Отсюда и танцуем. А вообще, не нравится мне многое, определенно не нравится... Чуйка говоришь, а я говорю – пальма... Чуйка – пальма, пальма – чуйка, и порядок слов не важен... И похоже, соглашусь с тобой: мы слишком увлеклись капканами, саму же цель из виду упустив...
- Франк бросил на партнера какой-то неясный, мятущийся взгляд.
- Так вот, воин мой, глубокой лежки и плит надгробных, – лишь сгустив загадку, продолжал Иоганн, – лезть тебе на пальму, оснастку можешь выбрать сам...
- Ты в порядке, не того? – забеспокоился Франк, но как-то тихо.
- О здоровье капитана не принято, mauvais ton так сказать, корабельный, как понимаешь. Не дрейфь, Франк: не мачта, всего один этаж... Но тихо, без сбоев, ты можешь. К тому же форточка открыта и вентилятор пашет на всю мощь. Заодно и проветришься...
- Валлиум в аптечке есть? – картинно осмотрелся по сторонам Франк.
- Каюсь, маху дал, – Иоганн и бровью не повел на сарказм, – когда шарил в номере Калмановича. Одну вещицу упустил и, боюсь, необыкновенно важную. Доверился тюленю этому, Морису: «Вернется к обеду». А фигурант вторые сутки – как под землю провалился и, похоже, не случайно. Франк, выверни все наизнанку: вспори матрас, загляни в каждую щель!
- Зачем?! – взревел Франк.
- Ищи паспорт, – невозмутимо пояснил Иоганн.
- Твой что ли? Обронил?! А...а... понял!
- Догнал, слава богу, воды отошли... Понимаешь, – продолжил Иоганн после паузы активной мозговой жвачки, – не похоже, что Шабтай паспорт с собой носит. Зачем он ему здесь, в Габороне, где аборигены даже не здороваются, встречаясь каждый час, как на стойбище. Не знаю, сколько их тут, тысяч десять? Не более... Короче, если в номере паспорта нет, я готов поверить, что Шабтай помахал нам ручкой. Тогда твоя «стажировка» затянется и доведется малость по-по-теть, – с налетом загадки проговорил Иоганн, после чего вдруг обрушился: – Двигай, все! Вперед! Разговорился я что-то... Ненавижу работать в паре, впрочем, как и ты!

Вскоре постоялец «Блэк Даемонд» Руд Феркерк, командированный алмазным концерном «Де Бирс» в Ботсвану, проснулся. Стекло окна отразило блеклую тень, спустя секунду-

другую укрупнившуюся до размеров человека. Фантом прошмыгнул и исчез из виду. Памятуя, что никаких сподручных средств, кроме едва выступающих наличников, на стене нет – как на первом, так и на его, втором этаже – тотчас закрыл глаза. Мало ли что почудится... Да и необоримо тянуло обратно – в трепетный сон, где добрый час любовался семикомнатным домом, пьянящим простором и запахом свежей краски. Разжился хоромами, выиграв главный приз в последнем розыгрыше «Лото», втайне от жены транжирия на билеты четверть зарплаты. Войдя в дом, вместо половика застелил закладную от своей прежней обители, убогой квартиры, унаследованной от родителей с так и не выплаченной ипотекой...

– Пусто, корок нет. – Франк бесшумно облокотился о дверцу «Ситроена», будто не ходил куда.

Иоганн отпрянул, пронзенный мыслью: «Как же ты опасен, альбинос-пантера!». Чуть погода откликнулся: – Поспим по очереди, а то и вправду в профсоюз настучишь. Не знаю уж в какой... Вначале ты, я за тобой. О делах – завтра.

Забравшись в машину, «пантера» вытянулась на разложенном сиденье. Подложив ладони под голову, чуть зевнула.

Вскоре Иоганн оглянулся. Увидел, что веки напарника приоткрыты, сохраняя едва различимый зазор. Всматриваясь, он невольно подался вперед. В лунном свете злобно блеснули зрачки, выявив, что защитный рефлекс у дикой фауны никогда не дремлет. Усмехнувшись, Иоганн вернулся в прежнюю позицию.

Какое-то время он приноравливался к вести Франка, «ощупывая» ее со всех сторон. Мало-помалу она переключила мозг в режим аварии, застигшую его предприятие врасплох. Уши раздирал вой сирен, глаза слепили сотни вспыхнувших на «пульте» лампочек и поначалу Иоганна подмывало списать дело в утиль как нереализуемое. Все же он взял себя в руки, несвойственный ему всплеск паники приглушив.

Нынешнее задание Центра хоть и взбудоражило в зародыше, спустя сутки легло в привычный паз, притом что в забытой богом Африке Иоганну «трудиться» прежде не доводилось.

Потеря комфорта – дело для него привычное, этим не удивить. Закапывался он и в латиноамериканскую сельву,дох от абсолютной влажности в азиатских джунглях, но всегда упрямо преследовал цель.

Между тем с первого захода локализовать жертву удавалось далеко не всегда. Тогда, через годы и иногда по несколько раз, он возвращался на тропу расчетов и неизменно доводил дело до конца.

Подопечные из краев дальних разнились, но, в общем и целом, укладывались в три категории: предводители мятежников, поднимавшие восстание не там или не когда нужно было, проворовавшие марксисты, умыкнувшие партийную кассу, намытую потом якутских старателей, наркобароны, заартачившиеся отстегивать в закрома СССР, не врубаясь по хилости ума, что фыркать на государство, созданное по принципу общака, смерти подобно.

Командировки в проблемные страны, к его профессиональному удовлетворению, происходили нечасто. Рабочей площадкой Иоганну служила Западная Европа, где он жил и по которой, уезжая, неизменно тосковал.

«Старушка» его буквально чаровала. Но ни изваянными в небесной мастерской Альпами, где кристально чистыми озерами лишь любуются, коль купаться в них запрещено, ни столицей всех влюбленных Венецией, ни фантастичными видами и аристократическим лоском Монте-Карло, ни величавой сединой Лондона, ни шиком Парижа, въевшимся даже в асфальт, ни игрушечными, но столь тучными деревеньками Германии, обескураживающими неизменным вопросом: «Чего им только не хватало, не могло?» В какую бы часть света Иоганна не заносило в погоне за целью, ему недоставало европейских коммуникаций, позволяющих скользить от Бергена до Лиссабона, как по конькобежному катку, телефонов-автоматов, гаран-

тирующих бесперебойную связь с Канберрой или даже с опечатанной изнутри Москвой, разветвленной инфраструктуры мегаполисов, где после очередного задания с его квалификацией затеряться раз плюнуть, ни многих иных примет общества сонливого благоденствия, обеспечивающих его «промыслу» неуязвимость.

Единственное, что его кольнуло, когда три дня назад вручили досье на Шабтая Калмановича, это директива принять под свое начало напарника. В его чрезвычайно богатом опыте работа в связке случалась нечасто и каждый раз на то были основания. Самые типичные из них: мишень удваивалась, а то и утраивалась, либо отличалась высоким уровнем самообороны. С партнерами он общался на каком-то там языке, но думали они, как и Иоганн, по-русски. Расквитавшись с заданием, связка распадалась, чтобы никогда больше не встретиться.

Нынешний же подельник думал по-фламандски и сомневаться в этом не приходилось...

Скупые сведенья о мишени, означившие объект «чайником», специальной подготовкой не отягощенной, к спариванию усилий будто бы не звали. Не просматривался и нарыв конфликта интересов, который требовалось вскрыть. Ни громкой предыстории, ни разветвленных связей, ни сопряженных с фигурантом структур – досье об этом умалчивало, скупо ссылаясь на неясный проект под патронажем президента Ботсваны. Отмечалась лишь россыпь языков, которыми мишень владеет, но из-за избытка учености или приступов зависти патроны не «списывали» никого.

На поприще корпоративных тайн и взаиморасчетов Иоганн усердствовал давно и слишком многое знал. Владел такими секретами, что и через двести лет историкам их не разворошить. А скорее, до тех пор, пока арматура государства – субстанции, лелеющей отнюдь не демос, а корпоративную элиту – сохранится, устоит.

Чем больше прирастало кругов под корой его кровавой, смердящей расчлененкой жизни, тем мрачнее Иоганн глядел в свой завтрашний день, понимая, что по меньшей мере двукратно свой кредит доверия исчерпал.

Упаси боже, его лояльность нареканий не вызывала, малейших поводов усомниться в своей честной игре Иоганн боссам не давал. Вместе с тем он свято верил, что человек – раб своей утробной сущности, за жизнь готовый обменять не то что интересы общности, его взрастившей, а само магнитное поле Земли. Его насчитывающий без малого два десятилетия «лабораторный» опыт, прочих коннотаций не подбрасывал, притом что среди «подопечных» встречались личности незаурядные, а порой и признанные вожди, волей и харизмой увлекавшие массы.

Иоганн уже давно просился на пенсию, ссылаясь на выслугу лет и ностальгию по родине, но Центр неизменно отказывал. При этом Иоганн сознавал, что даже дома, в построившей изоляционизм стране и вырастившей на этой ниве невиданные всходы, но так и не заткнувшей глотки всем и каждому, он опасен, если, конечно, не запереть его в одиночке, приставив в стражники робота. На Западе же, продуваемом масс-медиа, словно духовой трубой, его перешагнувшее все технологические нормативы «вяление» было, по его разумению, преступным, невзирая на тот уникальный опыт, от которого он давно распух, как сломанная конечность.

Солнечный зайчик замельтешил в его душевном затмении вновь, когда бюджет на довольствие и командировочные расходы год назад резко увеличили. Но одновременно преобразился и характер заданий, хотя и не всех. Подскочило число одноходовок, где в объективке скучало лишь фото мишени, с «памятной» записью времени и места на обороте. Прежде такую халяву подбрасывали редко, стараясь без нужды им не рисковать. Спец-то он уникальный, всеохватной квалификации. Иоганн выделялся не меткостью «селекции», а особыми навыками селекцию проводить. Иными словами, талантом выследить мишень, которая, обрубив концы, бесследно исчезала, либо квартировала в труднодоступных местах под зонтом вооруженной охраны.

Появился оффшорный счет, за движением средств на котором обязали отчитываться. В скором времени туда потекли внушительные номиналы, по внешним признакам – расчеты за проведенные ликвидации. Часть средств обналачивалась на расходы, но львиную долю он по командам из Центра перебрасывал в другие оффшоры.

Через полгода лафы Иоганн «дозрел», что одноходовками он обслуживает не Центр, а, очень похоже, группировку североатлантического созыва. Из чего следовало: его патроны прирабатывают, осваивая некий субподряд. Быть может, получив добро от партocrats, проникшихся идеей конвергенции, или же в частном порядке, набивая карманы на свой страх и риск. И те огромные суммы, которые наводняют его счет, не что иное, как гонорары за «сенокос», переводимые западными заказчиками.

Разобраться в смене курса не составило труда. В Европе свой прежний контингент он изучил давно, исключения из правил случались нечасто. В прицеле его стеклянных глаз мелькали по большей мере норовившие пожить на новейшей истории лица.

Европейский планшет Иоганна, с затесавшимися в него Канадой и США, рябил пестротой персонажей: отставные немецкие дипломаты, грозившиеся обнародовать нечто отвратнее, чем пакт Молотова-Риббентропа, если Москва не раскошелится, офицеры вермахта и слинявшие на Запад славяне-полицейские, прихватившие в СССР музейные ценности, но где-то проболтавшие, потомки русских эмигрантов, отважившиеся толкнуть Совку компромат на вождей-прародителей, легкомысленные бизнесмены, кинувшие (надо же кого!) сам Внешторг, завербованные чиновники и спецы, не отработавшие вложенного, зачастую ни на грош, и прочая склонная к авантюрам публика.

Нередко перед «заготовкой» Центр вменял «отпустить грехи», приняв покаянную, но не духовную, а давно вынюхиваемого «фуража». Манипулируя неистребимым зовом дышать, поделиться объект секретами Иоганну убеждать долго не доводилось. В своей основной массе заблудшие козыряли сметкой, нудеж излишествовал, и узелки памяти развязывались, почти всегда добровольно. За лишние минуты марать этот тесный, далекий от совершенства мир грешники впадали в словоблудие, но выверенными ходами Иоганн выводил их из бесконечности страха на стометровку полезных «советов». Все, что требовалось изъять, он изымал – вместе с «фуражом» и самим «примусом жизни».

Постепенно поисковую «санитарию» Центр заморозил, переключив суперагента на чистый «забой», а полгода назад, фактически, самоустранился, соединив напрямую с европейским диспетчером, технологом-администратором «сенокосилки». С тех пор Москва напоминала о себе лишь бухгалтерской отчетностью.

Будто пора уняться: предприятие приносит прибыль, на кой ляд «сантехника» менять? Да и не вызывало сомнений: в осваиваемом «проекте» интересы блоков, мягко заплетаясь, сомкнулись.

Так-то так, но с его непыльной, хотя и небезопасной работенкой мог справиться и отличник ДОСААФ...

Теряясь в догадках, Иоганн буквально извел себя: «Может, отжимают до последнего, прежде чем бесследно „растворить“, как делал сам – увязшее в бухгалтерии число заходов-раз...»

Но вот, наконец, после длительного перерыва, новое задание Центра напрямую. Причем не дебит с кредитом свести, а конкретная ликвидация.

Между тем, не успел он и ознакомиться с объективкой, как вздыбился вопрос: откуда не свойственная прежде Центру скудность? Не планшет задания, а плакат, сверстаный на скорую руку, влопыхах. А черно-белое фото десятилетней давности, по качеству снимка – родные пенаты?

«Н-да, с таким зеро еще не снаряжали. Не нравится, не к добру...» – досадовал Иоганн, ознакомившись с «делом».

Мерцающий в потемках циферблат возвещал скорую передачу смены, но Иоганн не предвкушал отхода ко сну. Словно у неведомого ему Руда Феркерка, в его барабанах крутились мысли-шары. Выигрыша при этом не сулили, желоб зачета обходя стороной.

«Наскоком не вышло, значит, доведется Шабтая выколупывать и пока неизвестно как, – извлекал корень проблемы Иоганны. – Объективка гипотезами не баловала, и намек на то, что фигурант соскочит! Но, получается, «ноги» предвидели, коль привлекли именно меня. Хотя могли и сгоряча, так как местных «на рейде» не стояло... Словом, ничегошеньки не ясно, сплошные закорючки! А Франк затесался сюда как? Зачем для утилизации «чайника» двух суперагентов снаряжать? Кто-то из нас явно лишний... Может, сдвоили «заглушку», чтобы объект и пукнуть не успел?

Но учти, на Франка потратились! Фрилансер – продукт рыночный, без аванса и цифру на диске не наберет. Сколько отстегнули? Четвертак до и четвертак после – как обычно? Франк тянет не меньше – мочила самородковый, к тому же и реальный детектив. Вопрос между тем ломится: баланс сведут после чего, а вернее, кого после? Шабтая или... меня в придачу? И концы все сплавлены – граблями чужими... Гигиенично и с дискретностью полный ажур. Воины мы безымянные, кроме хозяина квартиры, через месяц не хватит никто. И, изъяз мой депозит, Ларс пересдаст ее другому. Благо в Копенгагене аренда – ходовой товар. Н-да, вырывает... в люк канализационный прямиком...

А полиглот этот, Шабтай. Русский – родной, но почему-то второй. Идиш – что за зверь, не припоминаю. Ах да, ново-еврейский! Надо же, «топить» их не доводилось... Хм, сюр-приз-загадка – распишись! Что, в Вавилоне кар небесных, терминалов не хватило? Вот те чудо-племя! Странно, не бывает так... Хотя... после наци... может, приструнило и хоронятся по камышам. Что ж ты, Шабтай-болтай, подставился? Сидел бы тихо, как родова твоя! К президентам, видишь ли, потянуло, вот и лажанулся за ватерлинию саму.

Уравнение легло – мать за космы: «Полиглот против полиглота». Посередке же, а может, с тыла – Франк, пума-зверь, не встречал такого. Дышит даже, как хищник, с опаской. Не то чтобы Шабтая – меня на жилы расшнурует, удалец-скалолаз! Моложе вон настолько...

Но не вечер, еще не вечер, разберемся – и с «пантерой» и с «чайником».

Морис вышел из «Блэк Даемонд» ровно в девять, задержавшись на целый час. Судя по церемонии, которую церберы наблюдали через незанавешенное окно, шла передача смены, хоть и весьма условная. Сменщик копался обеими руками во рту, лишь порой поглядывая на покидавших отель постояльцев. Должно быть, на завтрак ему подали ляжку бизона или что-то не менее аппетитно-волокнутое... Тем временем Морис прилежно перерабатывал, принимая ключи и заполняя графы в каком-то журнале. Наконец, дружески хлопнув коллегу по спине, направился к выходу – под вздохи облегчения «кураторов», давно перепревших на своем посту.

Увидев, как Морис себя движет, связке стало ясно, что «Ситроен» в намеченный план слежения не вписывается и от него следует избавиться, по крайней мере, на ближайший час. Вследствие чего «хвост» загнал авто на заброшенный, не подававший признаков жизни склад, в трехстах метрах от «Блэк Даемонд».

Пристроив «Ситроен», Иоганн и Франк разошлись в разные стороны, обмениваясь напоследок невнятными взглядами и блеклыми «мазками» рук.

Следом за портье устремился Иоганн, сохраняя дистанцию метров в пятьдесят. Франк же перешел на параллельную улицу, позволявшую держать в поле зрения объект.

Фламандец захромал, убивая сразу двух зайцев. Первого – конспирировал на случай, если их тандем, хоть и раздвинутый, кому-то бросится в глаза, а второго – сбивая минимальный

ритм ходьбы. Морис ведь тащился, как туша кита, отталкиваемая от суши плавниками. Через каждые сто метров становился на прикол, дабы отдышаться.

Иоганн при этом струнил свой шаг без видимых усилий, будто всю жизнь водил черепах на водопой. Прибавил ходу, лишь когда консьерж стал доставать из кармана ключи, остановившись у неказистого, давно не отремонтированного домишки.

Будто случайным, ленивым движением Иоганн поднял руку над головой. Обрисовал двойной полукруг, не спуская глаз с портье, открывавшего калитку в запущенный палисадник.

В этом районе обитали люди явно не бедные. Палисадники, как и сами дома, выдавались благополучием, разумеется, по африканским меркам. Обиталище Мориса на их фоне терялось. В первую очередь, крохотными размерами – три комнаты от силы.

Иоганн осмотрелся. На улице никого, обстановка к намеченному располагает. Не останавливаясь, проследовал в торец улицы. Увидел, что, вдруг исцелившись от хромоты, Франк преспокойно движется ему навстречу. Так что его команду-жест – осмотреть дом фигуранта с тыльной стороны – напарник прочитал верно.

– Похоже, кроме Мориса, в доме никого, – сообщил Франк, подойдя к Иоганну вплотную.

– Похоже или точно?

– Забравшись внутрь, узнаем. Одну створку поддеть – на раз. Ждем, когда заснет? Завалится, как пить дать...

– Где ждать прикажешь? Сидя на крыльце или слоняясь по городу, где белых на перечет? Каракатица долбанная... Машину из-за него кинули, гиппопотам без лап! Вот что: дуй обратно и пригони авто. Я же к портье, размусоливать нечего! Так и быть подмену, коль химии промеж вас не вышло... – распределял обязанности Иоганн, но вдруг спохватился: – Да, какая створка?

– В последнем окне левая. Дерево там к месту – прикрывает. Делать что, когда вернуться? – уточнил Франк.

– Понадобисься – дам знать. Явится кто, погуди два раза, короткими, – подвел черту Иоганн.

– Шмотки на стене, по виду – женские, детского ничего...

– Ну-ну... – Оглядев напарника с головы до головы до пят, Иоганн двинулся за дом.

Морис в душевой услышал, как на кухне нечто опрокинулось, и по квартире, судя по звукам, раскатились яблоки, его любимое лакомство. За сутки он поглощал их несколько килограмм, вынуждая мать каждое утро ходить на рынок. К другим же фруктам – полное равнодушие.

Портье сморщился, но не от разочарования, что яблоки помялись и потеряли товарный вид, – ему стало жаль маму. Горькая досада растеклась по телу, замарав облегчение, наступившее после водной процедуры.

Морис отодвинул занавеску и едва протиснул свою махину телес через узкий проход, который давно следовало расширить. Душевую оборудовали, когда он весил на полцентнера меньше. Ступив в прихожую, он изумился огромному пунцовому яблоку, немыслимо как закатившемуся сюда из кухни.

– Мучаешь себя зачем? – подал голос Морис, держась за стену, дабы не поскользнуться. – На рынок можем же ходить вместе... Не нагружала бы себя так... Теперь яблоки – как собрать? Ведь знаешь, помочь тебе не могу, давно уже... Только и думаю о твоём радикулите... Мама-мама, послушала бы когда... Все, к врачу! Поем только, довольно отговорок.

Пол на кухне усыпан фруктами, и портье вновь подивился, как красное яблоко докатилось до душа.

Входная дверь заперта, хотя привычного хлопка он не слышал: возвращаясь с рынка, мама от усталости хлопала дверью пуще обычного. Но мамы ни на кухне, ни в обеих комнатах

нет – он дважды осмотрелся. Может, зашла в чулан? Вряд ли... В доме-то тихо, а малейшее движение мамы, пожилой тучной женщины, сопровождалось, как минимум, сопением.

Разумеется, мама могла выйти во двор – занести оставленную на крыльце часть покупок. Но в таких случаях дверь не закрывала. Да и обе котомки на виду. Одна на кухонном столе, не опорожненная, другая – валяется на полу рядом.

В этом крохотном домишке даже грудному ребенку затеряться трудно, не то что полному, неуклюжему человеку. Прожив здесь половину жизни, Морис изучил в обители каждое пятнышко.

Мама исчезла, и искать ее в доме Морис смысла не видел. Оставались двор или улица, но показаться там голым – упаси боже! В округе его слоновья полнота и так притча во языцех. Исключалось и обвязаться простыней: при первом же шаге та разлетелась бы, он уже не раз пробовал.

А одеться? Как раз этого он сделать не мог. Мориса одевала и раздевала мама – с тех самых пор, как за несколько лет из пухлого юноши он превратился в бесформенный, колышущийся от малейшего движения валун плоти. С большим трудом он только снимал летнюю рубашку на пуговицах, ну и... приспускал штаны-шаровары, удерживаемые на поясице широкой резинкой.

Гардеробные недомогания сына – отнюдь не единственная забота матери. Она купала его, хотя порой, если невтерпех, Морис, как сегодня, мылся на скорую руку сам, намыливая один живот с окраинами. Достать ниже, увы, не получалось. И вытирала мама всегда сама – по той же треклятой причине. Самостоятельно Морис лишь брился и то, в зависимости от самочувствия, не каждый день.

Не будь ее покойный муж родственником самого Лукаса, президента страны, они, два инвалида, давно бы очурились от голода – этой черной чумы континента. Именно Лукас устроил Мориса в «Блэк Даемонд», никто другой не взялся бы.

Лишь отъявленный пофигист или же, напротив, любитель экзотики мог по доброй воле принять его на работу. Поднимаясь на второй этаж, Морис затрачивал минуту, а из-за хронической булимии в туалете порой гостил чаще, чем у стойки портье.

Как это ни удивительно, попав в штат отеля, Морис сразу сделался общим любимцем – как персонала, так и гостей. Его радушие и простосердечность завораживали, а анатомическое уродство форм, в оправе первого, скорее пробуждало симпатию, нежели отталкивало. Свои недуги портье компенсировал упорством и прилежанием, обретя снисхождение, как нечто ущербное, но очень родное.

Вокруг Мориса образовалась лужа воды, ее слабрили ручьи пота, хлещущего со всех пор. Организм портье «испражнялся» при любом отклонении от норм – и в радости и в горе. И, как и со своей полнотой, ничего поделаться с этим он не мог.

Не обнаружив мать, Морис не столько опешил, сколько ощутил прободное одиночество, сквозь которое пробивалось желание как можно скорее избавиться от липкой влаги, обдающей то жаром, то мерзким холодком. Но, к сожалению, в пустой комнате помочь ему некому. «Помокнув» так с минуту, он плюхнулся на диван в надежде, что мать в конце концов объявится.

На глаза ему вновь попало яблоко у душа. Вначале пятнами, а потом и всем покровом его цвет, ему казалось, стал меняться на синий.

Вдруг Морис ощутил, что в доме нечто ожило. Но то скорее были волны некоего замысла, уловленные им телепатически, нежели признаки вторжения. При этом мама не давала о себе знать – ни в одном из мыслимых регистров.

Чулан пробудился. Нет, не звуками, а тенью, постепенно наползающей, – портье ее уже осязал воочию.

Когда Иоганн объявил себя на кухне, Морис даже не дернулся. Он изготовился к худшему, к чему-то аномальному, поглотившему мать и вернувшемуся за новым забором: интервент-то человек, хотя и с запашком. Как Морис сразу вспомнил, – напарник «похитителя снов» из торчавшего у гостиницы «Ситроена». Именно его (интервента) спина, портье определил тотчас, мелькнула вчера в полдень за захлопнувшейся дверью гостиницы.

– Здравствуйте, Морис, простите за вторжение, – бодро поприветствовал Иоганн.

Портье отметил про себя: мягковатый акцент интервента ему знаком. Он отличал речь абонента, который на днях звонил в отель, интересуясь Шабтаем Калмановичем. Да и сам Шабтай говорил схоже.

Иоганн ненавязчиво осмотрел портье и уверенно, походкой завсегда, прошел к стоящему за диваном платяному шкафу. Открыл его и, чуть осмотревшись, вытащил полотенце. Услужливо положил его Морису на колени.

– Вижу, я не вовремя, вытретесь... – молвил Иоганн, сама галантность.

– Мама где? – едва озвучил сухим горлом Морис, притом что тек фасадом безудержно.

– Какая? – вскинул брови Иоганн.

– Моя. Она была здесь, только что...

– Вышла, наверное. Не расстраивайтесь, Габороне – город маленький, вернется... – успокаивал Иоганн.

Синюшнее яблоко укрупнилось до размеров головы.

– Я должен одеться... – скорее простучал зубами, нежели выговорил Морис.

– Ради бога, отвернись, не буду вас смущать, – продолжал манерничать Иоганн.

– Чтобы одеться, мне нужна мама! – почти взвизгнул портье.

Лицо интервента изменилось – черты, по обыкновению расхлябанные, обрели четкий рельеф. Но глаза остались прежними – серьезными, не отсвечивающими каких-либо эмоций.

Поведя плечом, Иоганн двинулся спиной назад, прислонился к шкафу. При этом глядел на портье в упор, не выказывая малейшего намерения отвернуться.

– Вы не могли с ней не встретиться, я слышал ее голос, минуты две назад... – осекся Морис, почему-то подумав, что спрашивать имя «гостя» бессмысленно.

– Ах да! Полная такая, неслась на всех парах! – вспомнил Иоганн.

Портье обреченно опустил голову – мама двигалась не многим его лучше.

– Морис... – вихляво заговорил «гость». – Я сказал вам неправду, а точнее, обманул...

Мама ваша неподалеку, под надежным присмотром... – и решительно продолжил: – А теперь слушайте меня как можно внимательнее. Так вот, друг мой, для того, чтобы вы могли и дальше забираться на толчок и как-то еще самовыражаться, многое придется вспомнить, смастерив из жалких отрубей сытный, наваристый суп, способный меня насытить. Но, учтите, я ужасно переборчив, просто до неприличия. Начинать можно сразу, не откладывая...

Из всего пассажа портье выхватил лишь «под присмотром» ну и, конечно, общий фон угрозы. Образную речь Морис воспринимал слабо, да и откуда: за плечами один аттестат зрелости, пусть в Африке о такой учености многие лишь мечтают. Кроме того, речь «гостя» коробил дефицит натуры, будто зазубрена по кускам, пусть в их бесконечном множестве. Так, как он, по-английски никто не изъяснялся – ни разноплеменные иностранцы, для коих английский не родной, ни соседи-южноафриканцы, ни иные носители. Но беда заключалась не в этом.

Мориса проникся в одночасье: жизнь его не просто в опасности, она ничегошеньки не стоит, коль разменной монетой «гостя» стала мать, как перышко исчезающая. До мельчайших молекул разверзлось, что любая озвученная этим молодчиком угроза однозначно сбудется, расшвыряв все на своем пути. «Гостю» не ведомы ни «пуканье» пикировок, ни бравада накаченных мышц. Он чистый, оригинальный продукт фауны, ведомый лишь тупой агрессией, где нет места рисовке или компромиссам. Жестокий зверь, нещадно эксплуатирующий силу человеческого разума.

С таким типажом злодея портье прежде не сталкивался. Местные головорезы не то чтобы до его калибра не дотягивали. На его фоне – жалкие фигляры в шутовских оперениях.

Между тем ни свинца воли, ни морального пресса «похитителя снов» внешность пришельца не отсвечивала. Казалось, ее поработило заурядное: красноватые веснушки, весело раскиданные по всему телу, вздымающийся кверху нос картошкой, корж лица какой-то поспешной, нерасторопной выпечки, широкая кость портовых грузчиков и масса иных не отягощенных высокословным происхождением черт. Лишь глаза бурели заряженностью на результат и неотвратным намерением его отработать. «Гость» был классическим воплощением штампа «He really means it»*, его ходячей, наглядной трибуной, с которой – за ненадобностью – он убрал графин и полку для подчитки.

Откуда-то, из засеменившей на цыпочках душонки, стал вздыматься, вызревая, вопль о помощи, чтобы упредить, ручонками дитяти заслониться от взведенной мортиры смерти – этих умных, но разрезающих своей *серьезностью* глаз – на поплавок, трепещущий в болоте отчаяния, но все еще верящий в чудо, и саму материю, совершенно бесхозную.

Набрав воздух в легкие, Морис выпалил: улясыматьсяерениемвалосьятно.
– Вам, наверное, нужен Калманович?!

Тут стрелка метронома времени, то бишь мерила жизни, опекаемого где-то в Европах, кинулась вперед. Но вскоре остановилась и рваным ритмом зашкандыбала обратно...

Кепка серьезности у Иоганна сползла куда-то на затылок, оставив после себя лишь напоминание – козырек задумчивости. «Гость» оттолкнулся спиной от шкафа и двинулся на кухню, подспудно ощущая на спине взгляд портье. И правда, бешено вращаясь, глаза Мориса толкали «гостя» на выход, из дома прочь.

Иоганн подхватил стул и пошел обратно. Вернувшись к дивану, развернул стул и уселся напротив Мориса. Водрузил обе руки на спинку. Чуть подумав, вмял подбородок в верхнюю руку. Глядел почему-то не на портье, а на тараканов, которых на полу сновала целая популяция.

Пауза, словно рубанок, зарывалась во взбученные нервы портье, слой за слоем обирая надежду. Но, к превеликому сожалению, то было единственное, на что Иоганн не покушался...

Спустя минуту Морис уже не осязал ничего. Ни маму, ему недавно казалось, лежащую на полу и подгребающую под себя яблоки, вместо того, чтобы канючить пощаду, ни синюшные головы и кули, катящиеся в ров, окаймляющий сопку жизни, ни отупевшую от ужаса платиновую богиню, которая, прижав ко рту ладонь, гасила крик, моля глазами не упоминать ее имя. Перед Морисом зиял лишь лик пришельца, не походившего, в общем-то, на злодея, если отринуть его без меры сосредоточенные, перебравшие серьезности глаза. Человек с таким взором не мог преследовать праздное, интересуясь, к примеру, суточным оборотом белья в гостинице или городскими сплетнями. В отстававшую на целый век Ботсвану его могли привести особые, а скорее, чрезвычайные обстоятельства. Из-за них, не колеблясь, он поглотил мать, а ныне засучил рукава на сына.

В дышавшую лишь на четверть легкой жизнь портье не вторгались даже соседи, в своем большинстве, люди состоятельные. «От обделенных – какой прок?» – примерно так рассуждали они. Сближению не способствовало и дальнейшее родство Мориса с президентом Лукасом. Околоток знал, что, протянув одиножды руку помощи, тот умыл руки. Так что кричи не кричи – рассчитывать не на кого...

Портье пожирал глазами Иоганна, теряясь в догадках, как быть. Но за непроницаемым фасадом ничего рассмотреть не мог, как не гнал из себя влагу. Провалившись на самое дно отчаяния, в конце концов определился: «Мудрствовать нечего: грузи все валом, смотришь, смилостивится. Дотяни до обеда, а там, быть может, из гостиницы заскочит кто».

Морис открыл было рот, когда услышал:

– А с чего вы взяли, что мне нужен, как вы сказали, Калманович? – вонзил вопрос «гость», оторвавшись от напольного гнуса.

- Искали его вчера, я и подумал... – трусливо опустил голову Морис.
  - Я искал? – диву дался Иоганн.
  - Видел вас мельком... с тем, кто спрашивал, – нехотя признался Морис.
  - Где?
  - Э-э... там... – Портье нечто заломило.
  - Говорил ведь: зачтется только искренность. Не дошло... – раздался вздох, совершенно искренний.
  - В автомобиле, стоявшем возле гостиницы! – протараторил портье с легкой запинкой на втором слове.
  - А еще откуда? – обдал наледью Иоганн.
  - Вы звонили на днях, о нем спрашивали...
  - Вы всевидящий?
  - Голос почти тот же, – опасаясь обидеть «акцентом», признался портье.
  - Пусть заботит вас не голос, а жильцы «Блэк Даемонд»! – «расщедрился» новым советом Иоганн.
  - Вы же спрашивали...
  - Продолжайте, а впрочем, и не начинали еще!
  - О Калмановиче или о вашем спутнике? – уточнил Морис, вырвавшись из кучи мала, где его то пинали в зад, то лупили по загривку.
- Иоганн встал и, переиграв стул, вновь уселся, вопроса будто не расслышав.
- Вспомнив с дрожью «похитителя снов», Морис решил, что безопаснее держаться линии Шабтая.

Прыгая, как лягушка, с одной сюжетной кочки на другую, портье, казалось, вывалил все, что знал о Калмановиче – с тех самых пор, как тот поселился в «Блэк Даемонд» три месяца назад. О том, когда встает и когда уходит, во что одет и кому звонит, где питается и на чем ездит, без запинки воспроизведя южноафриканский номер авто постояльца.

Из этого скорее беспорядочно наломанного, чем нарезанного салата Иоганн почерпнул лишь несколько деталей, которые могли его заинтересовать. В день своего исчезновения Шабтай покинул номер в обществе неотразимой, но незнакомой Морису блондинки, чью внешность портье чуть ли не слюнями живописал, отметив, что за те минуты, пока пара находилась в фойе, из их уст не вылетело ни слова, то есть язык их общения остался неизвестным.

О продлении Шабтаем брони Иоганн уже знал – от того же Мориса, когда, приземлившись в Сьерра Леоне, тут же позвонил в отель. Новым и весьма интригующим было лишь то, что Шабтай продлил бронь, неожиданно вернувшись в гостиницу, в то время как блондинка дожидалась его на улице.

Приметы подружки будто уже зацепка, но особо не обнадеживали. Задача смахивала на вводную: извлечь из чрева «Большого Яблока» объект, ведая только, что в одном из офисов башен-близнецов некогда промышлял дальний родственник блондинки – то ли ремонтником, то ли мойщиком стекол, работая при этом за штатом на кэш...

Но по-настоящему Иоганн заинтересовался лишь одним. Прожив в гостинице три месяца, Калманович ни разу не уносил с собой ключ от номера, собственноручно вкладывая его и извлекая из ячейки, притом что администраторы, недоумевая, постояльца за эту причуду не раз отчитывали.

Все эти челночные снования с ключом, блондинкой, брошенным чемоданом, частично выуженные у Мориса, а частично – нарытые им самим, невольно подтолкнули Иоганна к гипотезе: не противостоит ли ему натасканный агент или некий самородок, тщательно скрывающий свои недюжинные способности? Коль так, то почему досе об этом умалчивало? Под-

опечных-то он прежде получал с родословной, как четвероногую голубых кровей, и нередко с маячком.

В «покаянную» Мориса Иоганн не вклинил ни слова – настолько портье все членораздельно излагал, хоть и хаотично. «Гость» даже подивился: с таким исповедальным напором, наблюдательностью и здравой оценкой предмета «запроса» он прежде не сталкивался. Иоганн, тем не менее, был далек от того, чтобы петь своим подопечным серенады. Да и до любви ли? «Исповеди» ведь захлопывали собою досье с «веселеньким» грифом «По исполнению – сжечь».

Все предыдущие «клиенты» Иоганна доподлинно знали, почему явились по их душу, чем и в какой мере следует поделиться. Людьями они слыли хоть и амбициозными, но, как правило, грешными, в той или иной мере скомпрометировавшими себя перед лицом влиятельных структур или общества в целом. А с догадливостью у этого выводка – полный ажур, как дознавателю не раз приходилось убеждаться. Чуток «пообвыкнув» к нему, редко кто упорствовал.

Он и на самом деле растворял любые иллюзии, полностью замыкая внимание подопечного на себя. Иоганн нес в себе жесткий шаблон предметности, фрамугу чего-то раз и навсегда отретпетированного, не знающего сбоев и колебаний. Посему к шокотерапии ему приходилось прибегать нечасто, все как-то устраивалось само собой. Будто как сегодня...

Иоганн встал и, минуя портье, неспешно отправился к шкафу. Морис даже бровью не повел – настолько движение интервента выглядело естественным и не таящим угрозы. Словно «гость» засиделся, время ноги размять.

Через мгновение портье вздыбился от боли, воспламенившей каждый узелок его и без того заарканенного лихом естества. Выхлоп страданий, быть может, был бы не столь ужасным, ежели хоть малую толику боли можно было стравить в крик, слить куда-то. Но рот Мориса зажала ладонь «гостя» какого-то явно не телесного отлива.

Тотчас на помощь ей бросилась другая. Спаровавшись с первой, придавила голову портье к спинке дивана. Иоганн держал голову портье до тех пор, пока на его руки не брызнули слезы жертвы, разомкнувшие шоковую цепь.

Ослабив хватку, Иоганн убрал одну руку за другой. Освободившись от «кляпа», Морис зарычал, валясь на спину и уродуя пространство контуром скрюченной руки, один из пальцев которой распух на глазах.

– Больше больно не будет, обещаю! – Иоганн разминал правую ладонь. – При одном условии... Вытряхните из вашей перины все, до мельчайшего перышка. О блондинке – до конца, без остатку, хоть сухого, а хоть мокрого! Иначе переломаю остальные! Не поможет – перейду к ногам...

Украдкой бросая взгляды на искаленную конечность, Морис уже не рычал, а скулил, чуть всхлипывая.

Иоганн поморщился, вновь перевернул стул. Водрузив руки на спинку, уставился на визави.

Посидев немного, «гость» начал приподыматься, выдвигая из-под себя стул.

– Нет-нет! Зачем?! – запричитал портье, выдавливая из себя остатки боли. – Вспомнил... знаю... сейчас... секунду всего. – Морис заплакал, горько, как ребенок.

Иоганн застыл, облокотившись о спинку стула, казалось, служившего мистической растяжкой душ в его походной камере дознаний. И, усевшись обратно, не шевелился долго, почти полчаса. Ровно столько портье исторгал свою самую не выговариваемую тайну, оказавшуюся на поверку заурядным и старым, как человечество, пороком. Да и считать ли его таковым? Подглядывание, подслушивание, поиск натуры для разрядки...

Перед Иоганном распахнулись груботканые шторы основного инстинкта, за коими безумствуют: чревоугоднический торчок, лизоблюдные восторги и откровения. И, как водится между мужчиной и женщиной, чаще вымениваемые в замен естественного права на свободу или за презренный металл, нежели вспыхивающие бескорыстно.

Его захватили, заставив забыть: королевство истомы, могучих, до кипения крови страстей, тайны запретных вожелений. Пусть Иоганн эти полчаса на себя обычного походил мало, к нему не раз навевалось немислимое для его профессии чувство – душно-приторная зависть, рано или поздно передающая эстафету тупой ненависти. Тем временем его корневище всею носоглоткою мычало, будоража его материю лихманкой взбучившегося либидо. Все, что ему хотелось – чтобы Морис и дальше выбалтывал – один сюжет смачнее другого, одно гульбище похоти за другим... Что он, впрочем, и делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.